

Кирилл Берендеев

ЦТШ

Кирилл Берендеев
ЦТП

«Издательские решения»

Берендеев К.

ЦТП / К. Берендеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856736-0

Добро пожаловать в Центр терраформирования планет! Мы меняем планеты вот уже сто лет и можем удовлетворить любую вашу фантазию, даже то, о чем вы никогда бы не подумали. Все планеты с гарантией безопасности — атмосфера, гравитация, приведены к земной норме, флора и фауна не причинит неудобств, а все туземцы знают русский, как родной. Откройте дверь в мир новых ощущений, а гидом в этом путешествии будет наш ведущий специалист в области коммуникаций, не один десяток лет работающий в ЦТП.

ISBN 978-5-44-856736-0

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Свет одинокой звезды	8
Земля в океане	16
Конец ознакомительного фрагмента.	56

ЦТП

Кирилл Берендеев

Корректор Игорь Харичев

© Кирилл Берендеев, 2017

ISBN 978-5-4485-6736-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Всегда было интересно писать истории о пришельцах. Их у меня накопилось на целый отдельный том. А вот представить, что место инопланетян, для других, менее развитых, миров, займут земляне – это особенная изюминка. Не нечто героическое, как покорение дальних фронтиров галактики на корабле «Энтерпрайз» или подобным ему, но совсем иначе. Как форму бизнеса – привычного и нашим современникам. Бизнеса потребления, который, не изменившись за последующие триста-четыреста лет, продолжает предлагать людям то, чего они даже представить не могут.

Собственно, так и родилась идея Центра терраформирования планет – этакой глобальной корпорации, в ведении которой находятся тысячи миров, которые она колонизирует, обдирает как липку, выкачивая все необходимое, терраформирует в угоду землянам, превращая в парк развлечений – неведомо какой по счету. А все чудеса этой планеты обустроивает так, как удобно посетителям. Включая и самих туземцев, коли таковые находятся на ней. Этакий аналог корпорации Илона Маска, который везде и всюду пытается успеть, ухватить и предложить как совершенно чудесное и необычное. Только ЦТП это уже устоявшийся монстр, практически монополизировавший положение как в области выкачивания ценностей с новых планет, так и внутри кошельков земных обитателей.

Правда, изначально в голове не было такого плана. Даже, когда я написал первый рассказ из историй о ЦТП – «Моряк возвратился с моря домой» – она для меня не имела логического продолжения. Камерная притча о том, как человека может использовать общество, неважно, какое, крохотная коммуна, или мощная корпорация. Но там я ввел интересного героя, винтика этой самой компании, мыслящего и рассуждающего именно с точки зрения винтика, – и вот наверное, это его появление в рассказе, предопределило будущую серию. Через несколько лет я вернулся к ЦТП в рассказе «Заключенные небеса», где тот же самый герой проявляет прежнего себя, действуя несколько в иных обстоятельствах. А затем мне понравилось затея, последовало продолжение. Возможно, ему, безымянному винтику, – я сознательно не давал имена никому из землян, – тоже идея пришла по душе. И вот он, то молодой, то старый (а я писал серию скачками из прошлого героя в будущее и обратно), продолжил свое неустанное, бессмысленное и беспощадное странствие по планетам, внося

хаос и разрушение всюду, куда бы ни ступала его нога, представителя могущественной корпорации. Он что-то искал, кого-то спасал, пытался разрешить споры – но что бы ни делал, финал оказывался очевидным. И вы догадываетесь каким.

Впрочем, не буду пересказывать самое интересное, вы прочтете это и так, следуя вместе с героем по страницам цикла повестей и рассказов, в каждом из которых, на каждой планете, посещаемой безымянным героем, непременно оказывалась бы какая-то изюминка, нечто необычное, из ряда вон выходящее, что бы ни походило на уже знакомые нам планеты. Впрочем, ничего удивительного, ведь именно такие и отправляет в разработку Центр терраформирования – зачем ему обыденность, ее туристам хватает и на просторах солнечной системы.

Последним по времени оказался один из первых по сюжету. Повесть «Земля в океане» – своеобразный ответ «Обитаемому острову» братьев Стругацких. Или перевертыш, если хотите. Идея возникла еще до одноименного фильма Бондарчука, и поначалу никак не связывалась с ЦТП, но как только связалась, тогда и появилась повесть. И в ней, еще молодой герой, снова пытался проявить себя с самых разных сторон. Но и не только. Автор хотел разъяснить, отчего же герой стал тем, кем стал. Бездушным механизмом в машинерии, поистине космических масштабов. Надеюсь, у меня получилось.

Я даже написал некое подобие предисловия к циклу о ЦТП, и некий почти параллельный сюжет, связанный только что этой вселенной. Но поскольку предисловие вышло совершенно меняющее представление об устройстве Центра, а параллельный рассказ никак не затрагивал основ корпорации, их я решил не объединять с остальными опусами. Тем более, что и герои там другие и идея. Так что их вы можете найти в другом сборнике рассказов, именуемом «Пришельцы». Им там самое место.

Когда цикл был почти закончен, мой замечательный соавтор Аня Райнова вдруг предложила написать некое послесловие, продолжение не странствий одряхлевшего героя, которого в одном из последних рассказов я все же выпроводил в отставку, но «подвигов» человека совершенно нового, возможно, его дальнего потомка. Молодого, энергичного, но бестолкового, наступающего на те же грабли, и становящегося тем же, при сходных и, одновременно совсем иных обстоятельствах. Ну разве можно было отказать? Тем более, что результатом должна была стать сатирическая повесть.

Мы взялись за работу, она продолжалась, с долгими перерывами, значительное время, пара лет ушло на то, чтоб написать всего-то четыре авторских листа текста. Но дело мы не бросили, повесть спасли, больше того, она неожиданно стала именно тем финалом, которого в моем цикле не оказалось. Вернее, который был, но довольно слабо выражен. А потому, долгожданному появлению повести «Ненормативная этика...» оба были довольны – и по самым разным причинам, а не только потому, что завершили большое дело. Главное, как завершили, как подвели черту под всем объемом историй о Центре терраформирования. Нам кажется, весьма удачно.

Ну а вам, дорогой читатель, решать, как выписан весь цикл. Будет весьма приятно узнать ваше мнение.

С уважением, Кирилл Берендеев.

(в оформлении обложки использована фотография неизвестного автора «Длинная зала в дублинском колледже св. Троицы» (Тринити-колледж), 1885г.)

Свет одинокой звезды

Самый край Пояса Ориона. Бархатная тьма беспроглядной ночи, в сравнении с которой, земное небо кажется световой феерией. Мне предстояло отправиться еще дальше, к звезде, которая не входила даже в состав нашей галактики, на такую периферию, куда я, за все время моей работы, и не предполагал ступить. Тем более, таким образом.

Это был всего лишь второй полет на космическом корабле. И первый по служебному заданию. Недалеко, по меркам нашего времени, до планеты 2012, находящейся за краем Пояса Ориона, в сотне парсек от него. Мгновение для перехода – если бы там находились действующие врата. Но в том-то и дело, что канал тахионной связи оказался разорван – и, как назло, случилось это сразу после того, как на планету, немного обустроенную роботами, прибыла первая группа техников и старателей. Первые проверяли и корректировали состояние терраформированной планеты, вторые принялись за извлечение ее богатств. Время – деньги, сами понимаете. И чем больше времени планета находится в стадии терраформирования, тем быстрее ее приходится разрабатывать. Так и случилось с 2012: частые поломки не давали подсоединить ее к системе врат, а едва соединение случилось, и техника удалась за новые горизонты, освобождая место людям, полетел термоядерный генератор. Починить на месте его не смогли, поэтому послали грузовик с запасным и кое-каким дополнительным или позабытым в спешке оборудованием с планеты 1834, вместе со мной, находившимся там с целью проверки недавно введенных объектов Центра терраформирования планет.

Собственно, я сам напросился в экспедицию. Мой начальник, получив докладную, обрадовался внезапному рвению. Не противились и на 1834, наоборот, рады были спроводить молодого, а потому изрядно всем докучавшего эксперта. Лететь предстояло почти месяц, мне предложили улечься спать, но я предпочел не пропустить старт и выход на траекторию – единственно, ради чего и хотелось пережить заново детские воспоминания о первом полете до Нептуна и обратно, – и улегся сам, когда того потребовал корабельный вычислитель.

А проснулся через двадцать дней. Под истошное завывание сирены и кроваво-красные огни диспетчерского пульта – ну точь-в-точь как в старинных фильмах о мужественных космопроходчиках. Вот только этот сигнал с бортового вычислителя, транслировавшийся непосредственно в мозг, заставил сорваться с места и помчаться к спасательной шлюпке. На корабле произошла внезапная разгерметизация грузового отсека.

Когда я ворвался в шлюпку и задрал дверь, корабль тряхнуло. Новое предупреждение порадовала еще меньше: «Неполадки в прямоточном тахионном ускорителе». На мои приказы разобраться в обстановке, шлюпка не отреагировала. Ей достаточно было сообщения о резком возмущении поля, возможно, от старой линии перехода или скорее, недавнем следе другого корабля, не указанном в навигаторе, но вставшем как забор на пути судна. В возмущение поля и ударился корабль, на крейсерской скорости в четыре с лишним тысячи световых.

Мгновение – и я катапультирован, оставив кораблю самому решать возникшие проблемы. А секундами позже вой повторился вновь – разорвав гиперпространство, шлюпка оказалась в нескольких тысячах километров от какой-то планеты. Номер 2011, как было сообщено бортовым вычислителем, терраформирование начато три года назад, но ни свидетельства о сдаче планеты, ни комплексных данных нет. Скорость с третьей космической, коей обладает объект, аварийно покинувшей линию перехода, стремительно падала, но планета уже заполнила собою экраны. А значит... «Аварийная посадка, немедленно вколите комплект лекарств №2 и погружайтесь в скафандр. До столкновения с поверхностью осталось двести шестьдесят восемь секунд... двести шестьдесят четыре секунды...».

Я послушно пшикнул в плечо капсулу и принялся упаковываться в скафандр. Гелий залил свободное пространство вокруг, с шипением выдавливая воздух. Грудь сдавило, мне было рекомендовано глубоко дышать – под непрерывное: «шестьдесят четыре секунды, шестьдесят две секунды...» – я несколько раз вздохнул, заполняя гелием легкие. И в этот момент счет завершился.

Удар, еще удар. Тряхнуло так, что скафандр сорвался с ложементов и ударился о стену. Гелий немедля испарился, меня выбросило, ударило обо что-то. В бортовые окна виднелась пустыня до горизонта, какие-то засушенные зноем деревца, чащобы которых пропарывала носом шлюпка. Затем, новый удар, еще один, свист выходящего (или входящего?) воздуха – и темнота.

Наверное, я долго пробыл без сознания. Ибо когда очнулся, шлюпка успела залатать пробоину, и теперь восстанавливала поврежденный вычислитель и кабели питания. Я пошевелился, медленно приходя в себя.

Боль улетучивалась, частицы лекарственного комплекта, проникшие в кровь, разносились по организму, заживляя многочисленные колотые ранения, отдавая приказ клеткам быстрее делиться. Я попытался подняться, нет, до переломов дело не дошло, можно сказать, отделался легким испугом. Выглянул в окно.

Окружающее пространство впечатляло. Вернее, то, что произошло с ним, после моей посадки. Тот чахлый густой лесок, что рос прежде, исчез, его место занимала – насколько хватало глаз – выжженная, покрытая слоем легкого пепла угольно черная пустошь. Вдалеке, там, где неспешно собирался вечер, еще виднелось слабое зарево, однако и оно вскоре исчезло, стоило только подняться легкому ветерку, поднявшему пепельную пыль в воздух.

Снова подумал, как хорошо, что со шлюпкой ничего серьезного не произошло. Обратился к вычислителю, но тот упорно молчал, единственно, что могло утешить меня хоть как-то, была надпись на неповрежденном экране: «Системный сбой, ведется предварительный анализ возникших проблем». В переводе это означало, что ЭВМ не вырубилась совсем, но была не в состоянии исправить полученные повреждения, пока не поправится сама. Мне оставалось ждать и надеяться, что повреждения системы не окажутся слишком серьезны.

Я проверил оборудование шлюпки, связь не работала, ни один из дублирующих передатчиков, но я надеялся потихоньку на приходящий в себя вычислитель. В аптечке нашлись антидепрессанты, добрый запас минералки и полулитровая фляга неплохого вина, а так же белковый синтезатор. Продуктов нет, даже стандартного трехдневного рациона, не знаю, о чем думали собирающие меня в путь. Явно не о возможности катапультирования. Ведь так спешили отделаться.

Ну, конечно: спустя пару минут я нашел тому подтверждения – ящик инструментов, забытый рабочими в багажном отсеке. Именно разлетевшиеся ключи разрубили кабели питания вычислителя, повредили передатчики и довели шлюпку до инсульта. Я собрал их обратно в ящик: жаль, нет опыта обращения, иначе бы находке только порадовался.

Вычислитель ожил через три дня: пискнув, экраны, погасли и система наконец, перезапустилась. С нетерпением ждал я результатов сканирования местности; но все переживания оказались напрасны. Ближайшее время мне не придется сидеть, законсервированным в шлюпке, воздух на 2011 вполне пригоден для человека. С единственным «но»: процентный состав кислорода оказался много выше земного, около тридцати. Видимо, это и вызвало столь бурную реакцию при посадке; единственной искры хватило, чтобы уничтожить все здешние чащобы, вплоть до самого горизонта. Как бишь его... «паркетного дерева», уточнил вычислитель. Некая разновидность туземного плюща, оккупировавшую почти половину площади единственного суперконтинента планеты, кем-то образно названного Гондваной. Который в свою очередь занимал половину поверхности планеты, чем и объяснялся крайне засушливый климат 2011.

Я потыкал по уцелевшему сенсорному экрану, требуя подробности, в особенности меня интересовали причины так и не завершенного терраформирования, но ничего путного не нашел, что только раззадорило любопытство. Раз уж предстояло пробыть несколько недель в ожидании помощи, то это время я жаждал провести действительно и с пользой: трехдневное сидение в узкой шлюпке, заваленной разбитым оборудованием, подточат любую нервную систему.

Я выбрался на поверхность планеты. Пьянящий, наполненный кислородом воздух, закружил голову, мне пришлось сдерживать себя от резких вдохов, чтобы придти в себя. Гравитационную постоянную на 2011 еще не привели к земной норме, а потому ноги сами несли меня по вдвое меньшей Земли планетке. По припорошенной пеплом, но, как ни странно, влажной поверхности, на которой повсюду пошли в рост мясистые бесцветные растения, разбросавшие тяжелые листья по земле – прежде скрываемые паркетным деревом, теперь они получили долгожданную свободу и торопились воспользоваться ею, покамест небо снова не закрылось вечными сумерками. Я наклонился к почве и с изумлением увидел не только отовсюду лезшие ростки, и сновавших меж ними насекомых, но и плотные шляпки грибов, которым достаточно было моей тени, чтобы начать люминесцировать, привлекая мошек и поглощая их в тягучих каплях, застывших на вогнутой поверхности шляпки.

Нога попала на плоский гладкий корень, я не удержался и упал. Поднялся, отряхиваясь, и понял, что размазываю по комбинезону не пепел, а настоящий чернозем. Здешние почвы богаты им необычайно, что уж никак не вязалось с пустынным климатом планеты. Я пошел за лопатой, откопать зарывшийся нос шлюпки, а когда добрался до него, понял, как глубоко, более чем на метр, уходит черноземный слой.

Когда сенсоры носа шлюпки показали из серой глины, я получил интересные сведения от оживавшего вычислителя. Паркетное дерево доминирует, по крайней мере, на этом участке планеты, вот уже триста тысяч лет, сравнительно недолго для растений, хотя сам вычислитель охарактеризовал полученные данные строкой: «на человеческой памяти».

Я поинтересовался, каким он видит предыдущие тысячелетия 2011, но данных для него было недостаточно. Да и все силы он копил для отправки сигнала по тахионным полям на 1834. Заметил только, что поглощение растительного покрова планеты паркетным деревом произошло постепенно, вполне вероятно, из-за неблагоприятных погодных условий. В центре Гондваны находится огромная пустыня, площадью в сотни тысяч квадратных километров, при резком повышении температуры на планете, что связано с ее прецессионным циклом, и уменьшении влажности в атмосфере паркетное дерево получило стимул к неограниченному распространению. Вероятно, оно и прежде занимало значительные площади, являясь доминантой растительной эволюции 2011.

Слово «доминанта» в отношении быстро распространяющегося сорняка мне не очень понравилось. Особенно, если этот сорняк способен жить вечно: ведь его ветви создают дополнительные кроны в стороне от основного ствола, и устремляются дальше и дальше, выпуская все новые ветви, образуя сверху почти идеальное покрытие, внутри коего растут его листья и вызревают плоды, а так же обязаны ютиться и все остальные обитатели планеты. Как именно это происходит, вычислитель любезно продемонстрировал мне. Я покачал головой. Почему-то захотелось отмщения обнаглевшему плющу.

На время я прогнал эти мысли из головы – главное, выбраться с негостеприимной планеты, заодно и выяснив, отчего она так и не была доведена до ума. Однако, случай сыграл свою роль, вернув меня на стезю мстителя. Правда, произошло это очень не скоро.

Прошел почти месяц, прежде чем шлюпка восстановилась настолько, что была способна к первому, после крушения, полету. С каким же нетерпением ждал я этого дня! За пределы атмосферы планеты мне при всем желании подняться не удалось, но просто воспарить в небо, подобно птице, это незабываемо. И поглядеть, сколь далеко распространилась брешь

в зарослях паркетного дерева, выяснив, как же сильно этот сорняк сжал тисками все живое сего негостеприимного уголка Галактики. А заодно добраться до моря, взглянуть на него, я давно уже не бывал в таких местах. Как-то оно на этой планете.

Может показаться странным, что в мои мысли в этот момент, да и в долгие последующие, никак не проникала идея о спасении. Напротив, я был столь уверен в неизбежности подобного финала, что и думать перестал о нем, едва выяснилось, что вычислитель способен восстановиться, и, собравши в недрах своих новый передатчик, послать в тахионные поля сигнал о помощи. А ведь сигнала ждут, поисковые бригады готовы вылететь в любой момент, только запеленгуют слабый призыв моей шлюпки. Возможно, они и сейчас ищут меня, пытаются искать, но ведь найти шлюпку в безбрежном пространстве многожды труднее, нежели иголку в стоге сена. Именно поэтому всякое спасательное средство оснащается столь надежной, многократно продублированной системой защиты, на любой случай, на какую бы то ни было аварийную ситуацию.

Пока же шлюпка восстанавливалась, я совершал короткие экскурсии по окрестностям. Питался быстро растущими растениями – за этот месяц они, освобожденные пламенем, вымахали значительно выше моего роста, и теперь их тень создавала прохладу во время моих прогулок, продолжавшихся по несколько дней кряду. Я бродил среди стремительно растущих деревьев и кустарников, словно в собственном саду, радуясь скорости их роста, наслаждаясь теплой упругостью листьев, лишь сейчас медленно зеленеющих, начинающих вспоминать умение питаться светом, утраченное за тысячелетия заточения в сумраке. Я следил за игрой света на хищных грибах, особенно красивой по ночам, за тучами мошкеры, носившейся меж сережками и венчиками с пылью, за ленивыми слизнями и торопливыми жуками. Я путешествовал среди возрождающегося великолепия, и каждый новый день дарил мне новые открытия.

Я узнал о растениях, способных перемещаться, спасаясь от нашествия слизней, и увидел мотыльков, впервые в жизни пробившихся к свету. Я находил пеньки паркетного дерева, и с радостью видел, как их оккупируют ползучие грибы и древоточцы, медленно превращая в труху. На свой страх и риск я нюхал серые цветы, и, их странный пластмассовый запах мне казался куда прекрасней любых благовоний. Я видел ручьи, впадавшие в речушки, в свою очередь переходившие в неполноводные реки, медленно несущие воды свои не то к далекому океану, не то к неведомым озерам, пока еще сокрытым от моих глаз. Я брел вдоль ручьев, пугая тамошних жителей – бесцветные водоросли, стремившиеся отползти от берега да жуков-плавунцов, охотящихся за какими-то пресноводными креветками. Рыбы здесь не водилось. Планета была на миллиард лет моложе Земли, и только начинала свой эволюционный путь.

Я словно бы обрел этот мир, а он, в свою очередь, принял меня. Быть может, еще и поэтому всякая мысль о бегстве с 2011 казалась кошунственной. Особенно, когда я увидел лишь малую толику всего благолепия, освобожденного от плена.

А потому, стоило лишь шлюпке подать сигнал о готовности, я поспешил к ней. И не медля ни минуты, не проверяя и не совершая пробных полетов, стартовал с места приземления – изрядно уже заросшего белесой травой – и устремился к морю, туда, где всего в трехстах километрах по прямой, находился берег.

Я погорячился, возможно, шлюпка тоже. Словом, мы не долетели, подвела система навигации. Что-то спуталось, но берега мы не нашли и через четыреста километров, а через шестьсот двигатель забарахлил, неожиданно перегревшись. Пришлось садиться.

Прямо у края паркетного дерева. Только теперь я смог по-настоящему оценить, что именно представлял собою мой враг.

Шлюпка мягко опустилась среди бледных деревьев у самого края чащобы. Нет, не чащобы, плотного, без единой щелочки, забора, резко вздымавшегося на высоту метров

пяти и уходящего вдаль, насколько хватало глаз. Не без труда я вскарабкался на него, взял приступом вершину – ветви, утыкавшиеся в землю, идеально ровные, без единого листка или отростка, и словно покрыты лаком – пальцы скользили, мне пришлось взять перчатки.

Поднявшись, я увидел то, что и должен был узреть всякий оказавшийся на 2011 не столь экстремальным, как я, путем. Паркетное дерево, словно, уложенное хорошим мастером, покрывало все оставшееся пространство, до самого горизонта. Редкие волны шли по нему, где-то медленно спадая, возможно, скрывая овраги или ложбины, а где-то набирая высоту, карабкаясь на холмы и сопки. Я постоял недолго, затем вернулся к шлюпке.

За день неисправности оказались устранены, можно отправляться дальше. К заветному морю, ведь именно туда, напомнил мне вычислитель я и собирался. Оказывается, море все время было неподалеку, просто мы летели вдоль него. Ошибка системы, не до конца обретенной внутренней резервы. Теперь повреждения исправлены, пора в путь.

Я согласился, но осталось одно дело. Совсем небольшое. Когда мы стартовали, я дал приказ шлюпке спуститься над паркетным деревом, и только там ударил по газам, круто кабрируя. А на высоте в километр остановился, взглянуть на содеянное. И засмеялся радостно. И заплакал, не в силах сдержаться, глядя как торопливо, со скоростью призового скакуна, расходятся круги пламени от места моего старта, пожирая переплетение ветвей, освобождая все новые и новые территории. Я завис над быстро текущей вдаль линией огня – там оно освободило пригорок, там ложбину, обнажив небольшую запруду, здесь меандр небольшой речушки, следом заилевшая старица, а чуть далее уже полноводная река показалась моему взору. А дальше – озеро, настоящее озеро, все увеличивающееся и увеличивающееся в размерах; огонь спешил, торопясь открыть мне все плененное прежде, лишенное солнца и ветра пространство, покамест неведомое его открывателю.

И я спешил за огнем, где он выдыхался, помогая ему огнем разгоряченных дюз. С криком, я бросался вперед, на бескрайние просторы паркетного дерева, и наносил точечные удары, мгновенно становившиеся глубокими ранами. Шлюпка едва увернулась, на миг отобрала управление, от скального выступа – хоть его не захватил древесный сорняк – и вернувшись под мой контроль, продолжила наступление. А за мною шла, ширилась огненная черта, разделившая, весь простор надвое. От одного края мира до другого.

И не было в те минуты человека счастливее меня. Я кричал что-то, хохоча и плача, не в силах выразить радость внезапно обретенной свободы, я вставал с кресла и прыгал в шлюпке, и в такие минуты она тормозила, прижимаясь к земле, а я, снова усевшись за штурвал, кабрировал, направляя огонь небесный на ненавистное паркетное дерево, подчинившее себе планету. И в эти минуты не существовало для меня ни вчера, ни завтра, ни того вчера, что осталось на 1834, ни того завтра, что ждало на 2012 или самой Земле. Я был свободен и от прошлого и от будущего, я забыл обо всем: о прежней миссии, о работе, о делах, даже о спасателях – я был абсолютно свободен. И счастлив новообретенной свободой, ибо знал, что никогда, ни до, ни после этих минут, ничего подобного у меня не случится. Что паркетное дерево, но только иного рода, сокроет меня, едва только я подам сигнал и найдусь, и все вернется на круги своя. И потому в эти минуты я жадно глотал бесценный воздух, перенасыщенный живительным кислородом, глотал его, не раздумывая, позабыв обо всем. К великому счастью обо всем позабыв.

И лишь когда шлюпка подала сигнал о новой неисправности, я вернулся. Спустился с небес, в чьи безбрежные дали воспарял, в надежде уйти насовсем, отринув все, и никогда уже не вернуться. И тихо, утирая пот, смешанный со слезами восторга, посадил свой корабль на берегу заветного океана. Выбравшись из шлюпки, долго, пока меня не накрыла тьма, стоял у самой воды, на песчаном откосе, среди дюн, до которых не добралось ни паркетное дерево, ни другая растительность, стоял в абсолютном одиночестве, слушая ленивый шорох

волн об изрезанные прибоем скалы и вглядывался в затуманенной дымкой уходящего дня горизонт. Смотрел, не в силах оторвать взгляда.

Что-то плеснуло невдалеке, когда солнце скрылось за горизонтом, истаяло в океане, и какой-то меченосец медленно выполз из моря, в поисках своей свободы. Своего нового мира. Но оказалось, все, что было надо ему – выброшенные прибоем водоросли – добравшись до них, меченосец зарылся в гниющую массу и медленно утащил обратно. А я, проводив взором морского обитателя, поднял глаза.

И увидел черное, словно бархат, небо. И в самом зените одинокую белую звезду, дрожащую от дуновения легкого бриза, потянувшегося с океанских просторов. Единственная, она сияла посреди черноты космоса, и ни одной вокруг, сколь бы я ни шурился, вглядываясь в темень. Одна, она сверкала в небесах, и от легкого бриза подмигивала мне. И я смотрел на нее, долго, с какой-то безнадежной грустью, пока шлюпка не позвала меня. Но и тогда не сразу отвел взор. И укладываясь спать, все пытался найти ее – единственную на небе. Одинокую, посылающую лучи в крошечной тьме, оторванную от своих товарок десятками парсек пустого пространства.

Я и во сне видел ее. Будто грелся в нежных теплых лучах. Кажется, словно, шептался о чем-то с ней. Что-то говорил. И долго ждал ответа.

Но, проснувшись, не помнил, был ли мне послан этот ответ. Некоторое время лежал бездвижный, в койке, ожидая чего-то. А затем вспомнил о своей миссии. Вышел из шлюпки, последний раз оглядев посуровевшее море, затянутое серой пеленой волн – резкий ветер дул с дюн, неожиданно холодный – за ночь температура опустилась градусов до двадцати, так, что мне, привыкшему к местному пеклу, казалось непривычно холодно.

Вычислитель сообщил, о проходимом в настоящей момент апогее орбиты 2011, на календаре планеты давно стоит зима. Стоит ли говорить, какое нас ждет лето. Я так и подумал: «нас» – словно, мое намерение остаться тут столь надолго, вызрело окончательно.

Впрочем, я не задумывался настолько вперед. Сейчас предо мною стояла иная задача – и в течении последующих недель я с упорством ее выполнял, методично выпаливая все новые и новые участки паркетного ковра, одерживая над ним верх, а затем уже добивая остатки, превращая прежнего владыку в жалкого беженца, вынужденного искать убежища на дальних островах и пустынях – только когда весь ковер Гондваны уничтожен, и все ковры на прилегавших крупных островах последовали за ним, я успокоился и оставил в покое дерево, порешив, что за меня с его владычеством лучше разберутся освобожденные.

И так и происходило. Повсеместно, на вскрытых огнем участках, быстро произрастали задушенные сотнями истекших тысячелетий деревья и кустарники, открывались неведомые озера и реки, ложбины и холмы, сопки и ущелья. Дивный мир открылся мне во всем своем разнообразии, я созерцал его, я путешествовал среди его обнажившихся красот и восхищался ими. И той свободой, что даровал ему и, прежде всего, себе.

А по ночам, когда бои заканчивались, и наступал тихое время мира и спокойствия, я оставался наедине с той, единственной, что светила мне в бархатной темени небесного полога, с которой говорил, и рассказывал все. О происшедшем со мной и мне предстоящем, посвящал ее в свои думы и замыслы. Делился самым сокровенным, и спрашивал мнения по тем вопросам, которые не мог разрешить сам. И она отвечала мне – языком, понятным лишь нам двоим, и говорила о вечном под ее сиянием, а я молчал, вглядываясь в зенит или закрывал глаза, и в абсолютной темени внимал незримо трепету, исходившему от нее.

Так проходили сутки, складываясь в недели, оказываясь месяцами. Мне трудно сказать, сколько ночей со мной была моя звезда, казалось, что всегда, просто прежде я не видел и не слышал ее, и понадобилось вот это путешествие, вот эта катастрофа, чтобы очищенный от светил небосвод планеты обнаружил ее, единственную, и открыл ее трепетный, нежный

и чуткий язык. Осторожно коснувшейся моего сердца и уже не отпускающей. Шепчущую о пустяках и о важном, терпеливо выслушавшую меня и отвечающую на вечные вопросы, что испокон веков люди задавали таком вот одиноким, как и они сами, звездам.

И ответы ее приносили покой и благодать в мое сердце. Мы оставались наедине каждую ночь. И каждую ночь проводили вместе, словно истосковавшиеся любовники.

Возможно, так оно и было на самом деле. Возможно... я никогда не смел думать об этом, покуда моя звезда светила мне. А она каждый вечер и каждую ночь была со мной – так зачем вредить своему счастью домыслами, ведь связь так хрупка, а небо так обманчиво близко. Только потерявший свою звезду человек, вспоминая о былом, ищет причины и находит сходства. Мне на 2011 все это ни к чему.

До тех самых пор, пока однажды вычислитель, напившись энергией из восстановленных генераторов, не начал сканировать окрестности планеты, на предмет выявления тахионных потоков, дабы подать сигнал, и не обнаружил два следа. Один совсем недавний, ему не исполнилось и четверти года – от моего корабля, выбросившего спасательную шлюпку и канувшего в неизвестности, и другой, более старый, но надежный – ведущий напрямиком к планете и на ней обрывающейся.

Говоря точнее, к позабытым вратам 2011, некогда закрытым и заброшенным настолько, что и я не заметил их. Впрочем, и не жаждал этого. Стремилась программа вычислителя; найдя координаты врат, она и послала шлюпку на встречу с ними.

Я же... вынужден был подчиниться ей. Даже абсолютная свобода должна иметь какие-то пределы. Наверное, подсознательно я ощущал это, но старался не придавать значение слову завтра, живя сегодняшним днем. Это мне прекрасно удавалось, но теперь времена изменились, они не могли не измениться, я не мог оставаться вечным Робинзоном Крузо, а потому излечившийся вычислитель подал мне сигнал к возвращению.

Когда мы прибыли на место, я не сразу высмотрел врата. Они находились в двухстах километрах от места моей первой посадки, и столь сильно заросли, что увидеть двухэтажное здание на фоне бледно-зеленой растительности, вытянувшейся почти на десятиметровую высоту, представлялось задачей не из легких. Здание не имело крыши, и ветер свободно гулял меж перекрытий, раздувая мясистые ветви поднимавшихся деревьев. Мне пришлось изрядно попотеть, прежде чем я добрался до генератора. И обнаружил, что он полностью разряжен. Вычислитель порекомендовал воспользоваться вратами, послав через них сигнал о спасении. Тогда на дорогу ко мне у спасателей уйдет примерно месяц – на звездолете, конечно. Но я отказался, раз уж он заикнулся о возможности зарядки аккумуляторов, так пускай так оно и будет. Пусть за мной придут спасатели – но через врата. Даже несмотря на двухмесячные приготовления к работе генератора.

Вычислитель смирился с моим решением; словно машина почувствовала мои мысли и не стала противиться им.

А для меня наступало время прощания с планетой. Эти два месяца – или чуть больше – как раз тот срок, чтобы суметь собраться и уйти, чтобы сами излишне долгие сборы успели наскучить, и расставание с 2011 и с ее безымянной звездой, так долго шептавшей мне ночные истории, прошло менее болезненно.

Вытащив из шлюпки и установив вокруг врат все необходимое оборудование, я принялся прощаться. Нет, сперва я с тревогою ждал, начнут ли заряжаться стальные аккумуляторы; помучив меня около суток, ушедших на тестирование и восстановление, они все же стали принимать в себя первые киловатты энергии, коих со временем окажется достаточно, чтобы восстановить давно потерянный канал связи. А пока канал восстанавливался, я разлучался с планетой. И с той, единственной. С ней, так получилось, я прощался дольше других.

Год на 2011 на треть короче земного, лето вступило в свои права, когда заработал генератор, и врата отворились, выпуская из дальних глубин из бесконечно краткого странствия

двух техников в робах ЦТП. Оба долго вертели головами, жмурились, привыкая к яркому свету. И разглядывали бескрайнюю пустошь, протянувшуюся от горизонта до горизонта. Ветер, теперь совсем слабый, лениво гонял песчаные вихри, обдавая жаром, опалая и стерилизуя безжизненные пространства суши.

– Мне казалось, тут должно быть нечто иное, – наконец, произнес один, тот, что постарше. Я кивнул медленно, уже готовый к ответу, коротко рассказал обо всех днях пребывания на 2011. О воскрешении и о смерти под палящим солнцем и бесконечными песчаными бурями пришедшими с центра Гондваны. Он долго молчал, а затем положил руку на плечо, дружески похлопал, пытаясь успокоить.

– Ну, всякое бывает. Не надо так убиваться. Что-то да непременно останется, – он вздохнул. – Жизнь это такая штука, с которой не то, что песчаные бури – человек, со всей его техникой, и то справиться не может. Непременно что-то да останется, прорастет и вылезет. Такова уж сила жизни, что ее ничем не возьмешь, как ни старайся. Солнце вот это взорви, а и то она останется. Где-то в какой трещинке, в куске льда, да где угодно. Но только потом, как станет полегче, сразу воспрянет.

– Закон природы, – согласно кивнул второй. – Иначе как бы сама Земля заселилась. Какой-то кусок камня неизвестно из каких далей прилетевший, а и то принес бактерию или вирус, не помню, в школе учили...

Я не слушал, спросил, перебив, что они будут делать с планетой. Оба синхронно, словно братья-близнецы, пожали плечами.

– Это начальству решать. Мы-то не знаем, чего планету забросили. Канал восстановлен, если надо, хоть сейчас копай.

Я усмехнулся, рассмеялся нервно. Ведь моя миссия и началась с этого. Когда-то в прошлой жизни. На канувшей в прожитом 1834.

До 2012 я так и не добрался. Зато обрел и потерял совсем другой мир.

Старший снова коснулся моего плеча.

– Знаете, я вам даже завидую немного. Вы вот так взяли и.... Поэтому долго на связь не выходили? – я кивнул. – Вас искали, я слышал. Сразу как корабль на 2012 сигнал об отстреле шлюпки подал. Долго искали, не один месяц. Видно, вы очень нужны там, на вашей службе.

Я покачал головой.

– Скорее, результаты моей миссии.

– Не преуменьшайте. Хотя, если говорить о 2012.... – и замолчал. А затем сменил тему: – Нам пора. Пойдемте.

И я послушно двинулся к люку. Наступали сумерки, небо быстро чернело, ветер послушно стих. И над головой забрезжила, в последний раз, моя единственная, теряемая безвозвратно. Я смотрел на нее, пока закрывались ворота, и после не отвел головы, стараясь удержать образ как можно дольше. А потом, мгновения не прошло, меж нами пролегла бесконечность пространства. Другие ворота раскрылись, и я оказался на Земле.

Земля в океане

Контракт со мной продлили. Правда, на неприятных условиях: на полтора месяца отправили в частично оплачиваемый отпуск, а после, уже без содержания. При этом, договор запрещал обращаться на биржу или пытаться устроиться самолично на то время, пока я ЦТП не надобен, потому с деньгами, если высшее руководство не договорится само с собой, будет напряженка. С корпорациями всегда так, одно телодвижение наверху, и тысячи сотрудников оказываются без средств. Сам не пойму, чего я поперся служить этому монстру. Потому же, почему и все в институте – на гарантированное местечко? Или просто вслед за ними, чтоб не терялась компания? Да все равно растерялась в отделах и секторах.

Впрочем, чего сейчас забивать голову, еще будет время. В первый день я здорово напился, на второй, как следствие первого, тоже оказалось ни до чего. А в третий совершил, наверное, самый несусветный поступок. Один из бывших сослуживцев посоветовал отправиться, хотя бы на недельку-другую, на 912, планету, не отмеченную в туристических каталогах и путеводителях, но зато весьма примечательную, мягким климатом, интересным населением, да и возможностью чем-то заняться, если будет возможность. Дело в том, что хотя ЦТП и закончил терраформирование планеты, открывать ее, по какой-то причине не спешил, напротив, даже я, работая младшим инспектором четыре года, побывав на полусотне планет, ничего не знал о ней.

Вернее, знал, но как – до меня доходили слухи о туземном сообществе, эдакой заманчивой дыре на окраине галактики, где нравы просты, люди приветливы, а правители не лезут не в свои дела, занимаясь внешней политикой и налогами. На 912 еще сохранились государства, тоже реликт, легенды гласили: шишки из совета директоров подолгу живут среди ничего не подозревающих аборигенов. А не на Эдеме, планете за номером 1210, где и располагался корпоративный штаб управления Землей и колониями. Для некоторых побывать на 912 было все равно, что приникнуть к животворному источнику. Многих туда не пускали, при этом не объясняя причин, что только порождало новые сказания. Мне так и вовсе казалось, эта планета едва ли не коллективный вымысел работников низшего звена, чтоб как-то скрасить уныние однообразных лет служения Центру. Собираемые с разных миров, мы ежедневно вливались в недружный коллектив управления гигантской империей, рассасывались по корпусам, секциям, отделам, занимаясь вечно входящими и исходящими, потоком, который невозможно остановить, даже если солнце погаснет или планета, считавшаяся для всех, без исключения, родной, перестанет вращаться. ЦТП и ее терраформирует, зажжет новое светило, и вычтет с каждого за выполнение этой работы.

После одинокого пьянства, только такие мысли и лезли в голову, а потому отвлечься хотелось особенно сильно. Я пришел к начальнику отдела и прямо спросил о 912, он удивился, конечно, но выписал рекомендательное письмо. Да, оно никого ни к чему не обязывало, но хоть какой-то пропуск. С письмом я прошел в сектор внутренних дел, и тут случилось странное – мне немедленно предоставили доступ на месяц на посещение 912. Без строгих собеседований, о которых столько слухов ходило, без долгих проверок службы собственной безопасности, которыми пугали так и не побывавшие на планете. Мне даже показалось, что произошла ошибка. Но нет, в пропуске значилось обязательное собеседование, обязанность неразглашения и все прочее, что сопровождало именно ее, девятьсот двенадцатую.

На следующий день я прошел жесткий инструктаж, после которого и получил заветное приглашение. Сказать, что возликовал, но нет, все не верилось – и сравнительной легкости, с которой мне посчастливилось попасть на закрытую планету, вообще, столь быстрому осуществлению мечты, много лет хранившейся в запасниках сознания, но только сейчас заявившей о себе в полный голос. Я узнал о планете в первую неделю после устройства

на должность заместителя младшего помощника инспектора, конечно, слышал все офисные легенды, но мне казалось, я далек от мыслей о ней. Она, вообще, не для меня. Не для такого, как я: наверное, это и сыграло роль детонатора. Мне страстно захотелось забыть хоть ненадолго доставший своими фокусами ЦТП, отправиться туда, где о нем и слухом не слыхивали, жили спокойной, размеренной жизнью, уверенные в друзьях и соседях, в завтра, – да во всем, что составляло их бытие.

Нет, зря мне дали прочесть инструкцию по пребыванию на 912, я захотел пробыть там возможно дольше, если повезет, еще раз вернуться. Ведь это единственное, чему можно довериться в ЦТП.

Наутро, едва только открылось окно для моего отправления, я уже стоял у старой распределительной двери, которую настраивал техник. Телепорт на планету использовался редко, выделять под него отдельные врата перемещения никто не посчитал нужным. Странно, конечно, ведь по циркулировавшим в секторе слухам, охотников до 912 была уйма. Но нет, минут двадцать прошло, – время для меня тянулось невыносимо медленно, – прежде, чем дверь одобрительно замигала зеленым. Я влетел внутрь, не дожидаясь прощальных слов, они остались частью на той стороне, частью растерялись десятками световых лет пространства.

Еще миг, дверь открылась, и я оказался на 912. В пустом неуютном помещении, больше всего напоминавшем черную комнату – в углу свалены приборы, доски, какой-то хлам, а у входа, стоял немолодой мужчина в потертом спортивном костюме; едва завидев меня, исполненного восторга, улыбнулся уголками губ и пригласил на чай.

Соседнее помещение куда больше походило на жилое: комната, перегруженная ветхой мебелью, увешанная пропылившимися коврами. Ощущение, словно здесь бывали наездами. Хотя по документам должны постоянно находиться четверо сотрудников: руководитель миссии с супругой, его помощник и секретарь. Встречающий провел меня в комнаты, познакомил с женой, объяснил: остальные в городе, – и еще раз напомнил параграфы правил. Пока супруга разливала терпкий зеленый чай, пахнувший неведомыми пряностями, от которых, ну, и от предвкушения чего-то невообразимого, мурашки пробегали по коже.

Миссия располагалась на небольшом острове в экваториальной части планеты, его занимало «государство трудящихся», как оно гордо именovalo себя, находящееся в состоянии холодной войны с соседями. На 912 находилось чуть больше двух дюжин стран, что неудивительно, суша занимала всего пятнадцать процентов, остальное – сплошная зелень океанов. Этот остров площадью в триста тысяч квадратных километров и населением в сорок миллионов человек был выбран по техническим характеристикам: и ландшафт подходящий для размещения баз первоначальной терраформации и его уединение на руку.

Но мне хотелось надеяться, что это не все причины. Ведь именно об этой стране витали слухи и распространялись легенды. Именно о ней, сразу после терраформирования объявившей себя средоточием протеста против экспансии ЦТП и – кажется – сумевшего если не победить, так выстоять против нашего монстра. Ведь почему же еще контакты с 912 были столь редки, почему планета не нанесена на карты даже внутреннего пользования?

Мы поговорили немного. Я больше расспрашивал, но ответов не слушал, не терпелось увидеть все самому. Миссия находилась на окраине города, номер мне забронирован в гостинице в самом центре, руководитель обещал сам провезти по всем примечательным местам. Как только он произнес эти слова, разговоры потеряли всякое значение, так хотелось отправиться в путь. Он, видя мое нетерпение, наконец поднялся. Я следом, натурально, наступая на пятки.

Машина руководителя миссии оказалась старой, потрепанной, с керосиновым двигателем. Технологии планеты, почти не пережившие после терраформирования, потихоньку брели своим чередом: времена пароходов, монопланов и дирижаблей. Их я видел не раз

во время инструктажа, чем-то удивительным веяло от одних только замысловатых форм чуда планетарной инженерной мысли. Одно такое ждало в гараже, еле заведясь, машина медленно покатила по широким, обсаженным деревьями проспектам, мимо старинных зданий и современных строений, парков и скверов, фонтанов и статуй.

Первое время старик молчал, потом, видя, что я немного освоился, начал рассказывать. Вот это здание – дворец культуры, тут крутят старое кино, еще революционное, бесплатно, разумеется. Вот это парк Победы, тридцать лет была последняя война с Северным союзом, сейчас у нас с ними отношения полегче. Это институт красоты, это медицинский, а вот в этой поликлинике, проходят практику лучшие интерны. Да и мой вам совет, если вдруг что, – лучше туда. Для всех, включая иностранцев, у нас обслуживание бесплатное. А это памятник основателю государства, дальше – исторический музей, а вот это, крупнейший в стране универмаг. Цены там кооперативные, но вам выдали на месяц тысячу золотых, тут этого на год с лихвой хватит. У нас зарплата средняя сто сорок. А вот здесь можно бесплатно постричься, при техникуме, у нас при техникумах все бесплатно.

Он так часто говорил это «у нас», что я уже перестал воспринимать его как миссионера – туземец, везший меня в гостиницу «Спорт» и по дороге показывающий достопримечательности. Как на любой планете. Вот только слово «бесплатно» повторялось слишком часто.

Подъезжая к помпезному зданию, построенному перед самой войной, руководитель миссии еще раз напомнил очевидное. Я представитель деловых кругов соседа сверху по карте, чьи ближайшие острова и военные базы расположены в трехстах километрах от острова, прибыл на отдых впервые. Первое время меня будет сопровождать гид, это не займет дольше двух-трех дней, после чего руководитель миссии обещает нажать на спецслужбы. Я тотчас спросил, а много ли в стране настоящих иностранцев – немного, вот десять лет назад, когда разрешили въезд, гостиницы были ими забиты, сейчас же по пальцам пересчитать. В основном специалисты.

– А из ЦТП?

– История та же. Мы с женой здесь почти с самого терраформирования, а приветили всего ничего. Вы же чуть не каждый день новые планеты открываете.

– Но ведь 912 не открыта для публики.

– Определенный флёр есть, да, все равно, не едут.

Я так и не понял, сожалел он об этом или только делал вид – слова прозвучали неубедительно. Я спросил о таких как он, экспатах, да раньше, много переезжало. Сейчас обратно умотали. И снова, ничего не выражающим голосом.

Мы подъехали, задерживаться старик не стал. Полулюкс на мою персону был забронирован еще вчера моей «корпорацией», мне оставалось только расписаться в grossбухе, получить временную регистрацию – завтра завизируйте ее в полиции – и заполнить форму соглашения об ограничении в поездках по стране, о фотосъемках на местности и еще многое, в том же духе. Хоть между Северным альянсом и государством трудящихся и была передышка в противостоянии, но все понимали, закончиться она может в любой момент: на очередном пленуме здесь, при смене власти там. Перестраховываемся, так и сказал портье, вписывающий данные в каталог. Я отправился осматривать номер.

За прошедшие тридцать лет прежде эффектное здание из стекла и алюминия сильно поистрепалось. Номера размерами не отличались, только наполнением, здесь считалось, что чем больше мебели в комнате, тем выше статус – так что, первые два дня я набил изрядно синяков и шишек, пробираясь впотьмах от уборной до кровати – ночью свет не работал. Первое время думал, это прихоть гостиницы.

Зато побывать успел много где. Государство трудящихся жило бедно, но туземцы исторически переносили частое отсутствие товаров в магазинах, выстаивали огромные очереди

за жизненно важным, будь то хлеб или мыло. По кооперативным ценам купить товары, чаще всего завозные, возможно, но мало у кого хватало денег, а потому экономили или как-то изворачиваясь, доставали через знакомых. На улицах почти повсеместно располагались бесплатные телефоны – больше потому, что в домах они не у всякого имелись. Как и отключения электричества с двадцати двух до шести, как порой отвратная вода из крана, когда в очередной раз что-то где-то прорывало... Но вот странно – я сам вскорости перестал обращать внимание на неудобства, даже получал своего рода удовольствие от них. Буквально загонял приставленного ко мне «гида», посещая то музей, то выставку, то парк, где играл задорные вальсы и фокстроты духовой оркестр. Съездил на океан, пусть не сезон, но вода теплая, а на медуз я внимания не обращал. Побывал на кофейных плантациях, единственное, что страна производила на экспорт. Был в древних городах, где до войны велись раскопки, а сейчас пустыня снова брала свое, заноса открытые сокровище слоями песка. Сгонял на фестиваль виноделов. Да много что повидал, но куда бы ни ехал, всюду встречал пустоту.

Это больше всего удручало. Не потому, что я так хотел общаться с местными, привык к другому. А вечно становиться предметом прекращения шумных бесед, веселых споров, еще не доводилось. Гражданам страны трудящихся не возбранялось общаться с иностранцами, но и не одобрялось. Ведь потепление временное, разрядка до тех пор, пока враги, а их все равно видели в моем лице, не соберут новые армии. Потому я и оставался либо в обществе таких же, как я, либо в среде настоящих северян. Ни с теми, ни с другими не складывалось.

Вот разве дочь замминистра революционной безопасности. Мы с ней быстро сошлись. Будучи на десять лет старше меня, Лидия виделась мне немного уставшей от прожитого женщиной, еще бы – детство ее пришлось на войну, на артобстрелы столицы, жестокие схватки с десантом, бои на окраинах; все это наложило незримые морщины на высокий лоб. Но несмотря на это, она осталась обходительной, теплой и, главное, в чем-то очень близкой мне. Верно, поэтому так быстро и сошлись, встретившись однажды за обедом. И с ее отцом, видным участником сперва революции, а затем и войны. Награжденный множеством орденов и медалей, он занимал парадный пост, да и проживание в гостинице для интуристов говорило, что секретов своей службы выболтать никак не мог. В «Спорте» действительно жило немало высоких чинов из малозначащих ведомств. Пожилые руководители, они редко общались друг с другом, видно, устав от долгого знакомства. Неудивительно, что генерал, найдя нового поселенца, жадного до всего тутошнего, обрушил на меня всю страсть очевидца, измучившегося по внимательному слушателю, пусть и с враждебной территории.

Мы частенько собирались втроем в его номере перед обедом или после, если под вечер, то говорили до тех пор, пока не начинал работать телеприемник – здоровенный шкаф с крохотным оконцем, по которому с шести до десяти показывали то парады, то концерты без всякой программы. Телевидение, здесь было в новинку. Старик замирал, и сразу отключался, ведь большая часть передач касалась его – была то война или революция, и там и там он был активнейшим участником, получавшим похвалы и награды из уст и рук самого отца нации. С Лидией мы оставались наедине. Сухая, немногословная, в отличие от отца, она предпочитала уединение, давно устав от его однообразных монологов. Мы спускались в ресторан или шли на набережную. Часто сидели молча, глядя на вечеряющие небеса, откуда не выплывают звезды, здесь их много, в отличие от Земли, но все неяркие. Лидия поднималась первой, я отправлялся следом, некоторое время мы еще бродили по улицам, затем возвращались – она домой, где уже два года после развода жила одна, а я в свой номер.

Странно, что никто из нас не предложил другому пожить вместе. Нет, в гостинице это исключалось, режим, а у нее... впрочем, я ведь был иностранцем, возможно, это мешало ей принять меня полностью. Но в моменты, когда небо чернело, освещаясь лишь крохотными лунами и тусклой россыпью звезд, мне казалось.... Я ни разу не спросил ее напрямую. Ну да,

разница в возрасте, ее немногословие и моя нерешительность, игравшая шутки при встречах с ней. Кажется, мы оба ожидали одного, но так и не заговаривали об этом.

По прошествии недели, генерала пригласили в далекий городок на востоке, славящийся своими целебными источниками и грязями, пустышное вроде бы предложение, пришедшее из канцелярии Госсовета, но старик собрался немедленно – намечалась важная встреча друзей старых времен. О своей работе в аппарате он забыл напрочь, буквально светился и, наплевав на телевизор, сыпал ворохом воспоминаний весь вечер. Лидия, сославшись на усталость, оставила нас. Еще перед этим меж нами вышла размолвка: молчание начало потрескивать разрядами невысказанных слов. А генерал вдруг предложил сопровождать его. Я, минуты назад мечтавший уйти, а потом тихонько пробраться к дому Лидии и просить прощения, сам не поняв как, согласился.

На полпути, на одном из перевалов, машина подверглась нападению. Старый пикап, с истошным ревом стукнулся в борт нашего лимузина, кинув на придорожные валуны, загремели выстрелы. Водитель, пытавшийся достать пистолет, был убит на месте, в разбивающемся стекле полезли стволы и руки. На голову набросили мешки, пахнущие геранью, заломив, связали руки, старик пытался сопротивляться, пара ударов, и я услышал, как бесчувственное тело протащили к другой машине. В лицо пахнуло чем-то холодным. Я провалился в небытие.

А когда вернулся, показалось, будто ослеп. Спешно схватился за лицо, нет, всего лишь плотный непроницаемый мешок. И тут же получил крепкий удар в грудь, от которого снова завалился на пол.

– А ну, лежи и не дергайся.

Я даже не испугался, настолько был ошарашен случившимся. Поражен до глубины души. А потому верно, не сразу сообразил, что мне, пришельцу, надлежит делать в таких случаях. Ничего подобного прежде не происходило, да я и не слышал, чтоб происходило хоть с кем-то. Я послушно дал сковать себя наручниками, и вслушивался в шепот хриплых от волнения голосов, не разбираемо мужских или женских.

– Старик на месте? – Да, упакован надежно, проверено. – Точно не отыщут? – Даже не сомневайтесь. – А с этим что? Он вообще кто ему? – Не представляю. По виду северянин, может, враг детства? – Может, из сыновей перебежчиков? – А куда его деть-то, у нас мест... – Погоди, вы его обыскали? Может, он телохранитель... – Из иностранцев?

Ко мне подошли двое или трое сразу, в грудь тыкнулся ствол.

– Подождите, я не иностранец, я не имею к генералу никакого отношения, знакомый его дочери, – и тут только вспомнил и спохватился: – Я инспектор из ЦТП. Прибыл на вашу планету...

– Ах, зараза! – перестук каблуков по бетону пола. От меня шарахнулись, внезапно я услышал звук передергиваемого затвора, такое, даже если не смотреть исторические фильмы, ни с чем не спутаешь.

– У меня внутренняя виза есть на посещение, снимите это, я достану.

– Где?

– Во внутреннем кармане, нет, слева, – по груди зашарили торопливые, руки. Нашли искомую карточку, – счастье, я не оставил ее в номере, не доверяя примитивным механическим замкам, звонко щелкавшим по утрам, когда начинали свою работу уборщицы. Долго разглядывали. – Надломите, она заработает.

Щелчок, новая порция молчания. И тихий голос:

– Что теперь делать-то?

Никто не ответил. Тишина затягивалась, ватная, жуткая. Руки стали затекать. Я пошевелился, пытаюсь переменить позу, за спиной послышалось шуршание, каблуки затопали, удаляясь. Журчание далекого беспокойного разговора – будто ручей плескался. Я снова

зашевелился на полу, нагретом солнцем. Очень хотелось встать и размяться, пойти уже к себе в гостиницу и забыть обо всем. Почему-то никак не желало приходить в голову, что все происходящее реально. Не плод фантазий, не розыгрыш старика генерала, решившего показать, как было во времена оны, когда его самого, во время войны, захватили в полон и держали в каменном мешке месяц.

Кажется, они сами не понимали, что со мной делать. Разговор становился неровным, нервным. Я услышал пару фраз – «высадить подальше», «еще подержать, пока не решим». И наконец: «может, уж хватились, а мы...». Я похолодел и вздрогнул. Ведь специально отключил чип слежения, чтоб не лезли, не дергали, не мешали отдыхать. Так всегда делал на курортах, так все поступают....

Совсем стихло. Верно, стоят, смотрят. Я откашлялся.

И тут меня подняли и снова потащили куда-то. Усадили на табурет. Браслеты звякнули, освобождая руки. Я не шевелился, голова шла кругом; тут только кто-то догадался снять мешок, на миг неяркий свет ослепил.

Меня посадили лицом к заходящему светилу, багряными лучами освещавшего неуютное помещение с растрескавшейся мебелью. Стекол не было, их заменяли бамбуковые жалюзи, скатанные до половины в темный свиток.

Четверо молодых людей и девушка. Немного моложе меня, двадцать пять лет максимум. Пристально разглядывали меня. Кто-то хмурился, кто-то покусывал губу. Тишина засасывала. Солнце слепило. Голова никак не успокаивалась. Темные фигуры, серые овалы лиц.

– Мы приносим вам извинения за неприятные часы, – молодой человек, взявший слово, кашлянул, заглушая дрожание голоса, и прибавил: – От имени Армии освобождения Сагавы. Заверяю, что не намеревались причинить вам, какого бы то ни было, беспокойства. И в вашем лице Центру терраформирования планет. Пожалуйста, обязательно передайте мои слова руководству. Дружеские отношения, которые мы надеемся обрести в лице столь могущественной организации, для нас священные.

Пауза. Неловкое шевуршание: кто-то переступил с ноги на ногу.

– Сагава, это что? – спросил я; напряжение, витавшее в комнате потихоньку испарялось. Оказалось, самоназвание государства.

– Мы не нашли на картах вашего наименования страны, поэтому воспользовались старым.

– У нас нет названий, только нумерация. Ваш номер двадцать два, – они переглянулись. Из-за спины сухого, бледного молодого человека, выступившего в роли старшего, кто-то прошептал: «„Армия 22“ – звучит даже солидней». Юноша обернулся, шорох слов замер.

– Еще раз примите наши извинения, – скороговоркой произнес он. – Мы доставим вас обратно сейчас же.

– Март, погоди, не успеем до одиннадцати, а после не пустят, – вступила девушка. – И потом, заправки закрываются в десять. Уже закрыты, – добавила она, глянув на часы. И ко мне: – Простите, но вам придется подождать утра.

– Его иначе выселят, Рада. Вы здесь инкогнито? – я кивнул и спросил:

– А что с генералом? – молодые люди переглянулись.

– Ему не причинят вреда, я ручаюсь. Это просто... похищение.

– А шофер?

Простой вопрос сдетонировал собрание. Заговорили, перекрикивая друг друга, все сразу, переходя с русского на туземный и обратно. Кто-то потряс кулаками, кто-то топнул ногой, обо мне, сидевшим в метре от них, собравшиеся мгновенно забыли, выливая скопившиеся обиды, не только и не столько их – отцов и дедов. Кричали и спорили, пока бледный молодой человек не взял на себя труд разъяснить.

Это была казнь, пояснил он. Человек, ныне служивший водителем генерала, в былые годы, сразу после войны, запятнал себя участием в терроре против населения. Тогда власти, напуганные вторжением, чудом прогнав захватчиков, попытались отыгаться за все страхи на гражданах. Присные на местах и в центре устроили охоту на мифических поджигателей войны, окопавшихся диверсантов, пятую колонну. Тысячи людей попадали в тюрьмы, в трудовые лагеря, казематы, или уничтожались сразу. Одним из палачей стал шофер. «Мой отец погиб от его рук, я смог узнать об этом через наших друзей», – произнес бледнолицый молодой человек. «Моя двоюродная тетя», – сказала девушка. «Мой дед», – заговорили из-за ее спины.

– Мы мстили за них. Нам не удалось узнать, кого именно, сколько всего людей убил этот человек, но его руки по локоть в крови, и наш революционный трибунал, наша Армия освобождения, вынесла ему смертный приговор. Он знал это... – его слова потонули во всеобщем шуме. Некоторое время все говорили одновременно, потом так же внезапно смолкли.

– Да что же мы так, – спохватилась девушка. – Вы сидите, мы стоим, прошу за стол.

И вышла в соседнюю комнату. Кто-то зажег керосиновую лампу, поставил на деревянный стол, стоявший рядом с окном. Солнце зашло, незаметно сгущались сумерки, лица темнели, теперь собравшиеся казались много старше своих лет.

Захотелось позвонить Лидии, сказать, что со мной, наверное, и с ее отцом, все в порядке, чтоб не переживала, чтоб не думалось дурного. Я постараюсь их разубедить, если что, я вроде вошел в доверие.

И неожиданно понял: скорее всего, Лидия еще ничего не знает о случившемся. Доехать до места мы должны заполночь, никаких средств связи в машине нет, а на дороге случается всякое, час-другой ожидания – это в пределах нормы. Они неторопливы, жители государства трудящихся, и оттого спокойно шагают по жизни, не спеша встретить следующий поворот: быть может поэтому еще я так старательно и безуспешно пытался влиться в их круг? И не потому, что меня не приняли, а потому, что сам не сумел, за все эти дни, неделю, приспособиться к неспешности течения времени, совсем иного, нежели на неммыслимо далекой – во всем – Земле.

Эти же – торопились. Быстро накрыли на стол, стряхнув пыль тряпкой, разложили приборы, поставили традиционное молодое вино, салаты, нехитрую снедь, сыр. Девушка, резавшая овощи, извинилась за скромность трапезы, карточки кончились, а деньги ушли на подготовку и само похищение. Я кивнул, не понимая, чему именно.

– Так что же, вся Армия, это вы?

– Ну что вы, – она даже улыбнулась. – Нас много, у нас еще есть несколько... ячеек. Есть люди, которые помогают нам. Как бы мы смогли все это сделать без помощи. Звонок, заставивший генерала выехать из гостиницы, он ведь...

– Я прошу тебя, – встрял старший. Девушка смолкла. Я понял, что Лидия так ничего и не знает и не узнает, до самого утра. Если не позже. Пока будут разбираться, куда генерал уехал, зачем, кто ему звонил, откуда... она уже легла спать, здесь ложатся рано, и сейчас, не тревожась ни о чем, видит сны. Она говорила, в одном из таких, видела меня...

– Давайте я вам расскажу, кто мы такие, и почему так вышло с генералом и его водителем, – предложил молодой человек. Мы приступили к трапезе: вино вызрело горьковатым, сыр квелым. Я кивнул, вдруг неожиданно поняв, насколько хочу спать. Страх испарился, его место заняла вялость, желание поскорее преклонить голову и забыться. А проснувшись, бодрым, здоровым в своем номере, ни о чем из случившегося не вспоминать.

Старший ячейки, наконец, заговорил, его слова проваливались в меня, как в бездну. Компания молодежи, именовавшая себя Армией освобождения, решила сделать мир лучше своими крохотными силами, ибо полагаться им было не на кого – народ безмолвствует, власти закручивают гайки, сторонники хорошо, если не сидят в казематах. Последние годы

всех охватывало отчаяние, многие повстанцы попросту разошлись. Но любая армия должна заявить о себе и сперва устраивала показательные акции, поджоги, взрывы в пустых зданиях. Постепенно поняла, насколько это бесполезная трата времени, сил и, самое главное, верных товарищей. Арестованным впаивали громадные сроки за терроризм, семьи подвергались гонениям, как мера превентивного воздействия на активистов. В тюрьмах они редко проживали дольше года – странные случаи самоубийства, участие в беспорядках – перепуганным родителям выдавали справки о смерти. О месте похорон ничего не говорилось.

Тогда они решили мстить, в ответ на террор, развязав собственную войну. Они больше не забрасывали бутылками с зажигательной смесью здания участков и партийных ячеек, не избивали активистов, не взрывали машины. Они начали охоту за людьми. Генеральский водитель – уже третья жертва на их счету, и, тут молодой человек сделал многозначительную паузу, – нас восприняли всерьез, нас действительно посчитали угрозой безопасности. Теперь каждому, входящему в Армию или их приспешнику грозила смертная казнь. Они, сидевшие против меня, вокруг меня, обычные молодые люди, переглядывались, улыбаясь, кто-то пошутил насчет тайной полиции, ищущей среди своих соглядатаев Армии, ведь пропавшая жертва была оттуда – в ответ рассмеялись все пятеро.

А я... кажется, в этот момент отключился. Или и прежде видел сон, а только сейчас осознал, что я в сновидении? На какое-то мгновение повисла пауза, а потом все пришли в движение, меня подняли, молча проводили в соседнюю комнату, уложили на жесткую кровать с продавленными пружинами. Больше не помню ничего – только заглянувшее в окно утро.

Проснувшись, я не поверил увиденному, и только по прошествии минуты память повелительно закрыла солнце серыми тучами. В дверь постучали, девушка спросила, спокойно ли мне спалось, ничего не беспокоило – я качал головой, оглядываясь, возвращаясь в новую реальность, – она пригласила завтракать. Вышел, к тому же столу, к тем же сидящим. Будто с моим уходом не прерывалось ничего.

Завтракали вином и салатом, старший еще раз извинился за скудость, но карточки можно отоварить после двух. Мы сейчас вас подбросим поближе к гостинице, но вы понимаете, остановиться рядом не можем. И ехать вам придется в пикапе, Рада и Гор будут с вами, я за рулем.

Они не спешили. Сосредоточенно жевали нехитрую стряпню, запивали хлеб горьким вином, а я вглядывался в лица. Молодое солнце осветило их, сейчас собравшимся нельзя дать больше двадцати. Они юны, полны сил, они подкрепляются рассветом, искрятся им, вся жизнь впереди, все дороги свободны.

Мы выбрались на порог, старший отправился за руль, крепыш, вечно находившийся за спиной девушки, отворил мне дверь кузова пикапа и первым полез внутрь. Я огляделся. Неприметная хижина, заросшая кустарником, вокруг еще несколько таких же, еще более запущенных. Станным образом место напомнило мне виденное совсем недавно, в пустыне – поглощаемые песком тысячелетние города. Я поежился.

– Здесь давно никто не живет?

– Года четыре, – ответил Март. – Все едут на производство кофе, здесь он не растет. Раньше выращивали фрукты-овощи, но государство платило слишком мало, община разбежалась.

– Одно время пытались ставить кордоны на дорогах, не помогло, – поддержал Гор, – да и сейчас крестьянам запрещено жить и работать в городах. Только на всех охраны не хватает.

Дверь хлопнула, пикап тронулся в путь, подпрыгивая на ухабистой дороге. Один поворот, второй, третий, – я потерял счет времени. Часов не было, дорога казалась то бесконечной, то краткой. Мы, все трое, поместившиеся в контейнере пикапа, молчали. Гор, в самом начале, заговорил об их Армии, всего пару минут, успел рассказать только, что они второе

поколение, что первое уже сошло в никуда, да наверное, оно и к лучшему, слушkom любили договариваться, слишком верили обещаниям власть предержащих, – а вот они, зубастые, пришедшие на смену, действуют иначе. Я еще вяло поинтересовался, сколько лет Армии. Оказалось, всего три года. До этого она называлась Фронтом национального освобождения, и существовала еще лет пять, а потом пришел Март, и все поменялось.

Наконец, Рада пристально взглянула на него, и Гор замолчал на полуслове. Ехали молча, слушая тархтение старого мотора. В щели виднелось голубое небо, редкие облачка: величавое спокойствие, которое только и осталось в недостижимой выси.

Пикап раз останавливался по дороге, на заправке, еще полчаса или больше ожидания, и конец пути. Март вышел, помогая выбраться, еще раз попросил извинений передо мной и ЦТП, за причиненные неудобства, за моральный ущерб, за то, что не смогли доставить прямо до гостиницы.

– Будет сеанс связи, обязательно передайте наши извинения, – влез Гор, – а так же самые искренние пожелания долголетнего сотрудничества, они в нас не раскаются ни на...

– Не вмешивайся, – обрезал Март. – Это, по меньшей мере, некрасиво.

– Будто я не понимаю, но другого времени не будет.

– Некрасиво по отношению к товарищам. И к стране вообще. Это же наша страна, Гор, – неожиданно с нежной горечью произнес старший.

– Это не наша страна! Нашей она может стать только с чьей-то помощью. Как будто не понимаешь, что мы ничто в сравнении с этой машиной смерти. Мы еще тыщу лет сражаться будем, а с места не сдвинем.

– Помолчи! – это уже Рада. Но Гор, заведшись, не сдавался.

– И я не уверен, что банальное похищение выход. Тем более его. Вот убийство, да, оно всколыхнет. Оно привлечет батальоны смерти, оно... может, хоть Центр терраформирования планет спохватится и разберется. Ну, невозможно ж терпеть на своей планете такое, согласитесь? Вмешаться и все исправить. Вы же терраформировали нашу землю, ведь для чего-то вкладывали в это и старания и деньги, все вкладывали, скажите, для чего же? Тут только два варианта возможны – либо вы даруете местным познания, либо отбираете у них что-то. Да скажите же! – Я молчал, смотрел на молодого человека и молчал. Гор махнул рукой и плюнув, отошел к дому.

Как будто мы проехали врата перемещения и оказались где-то далеко-далеко от государства 22, на другой планете, под другим солнцем, за сотни парсек от прежнего места.

Вокруг, насколько хватало глаз, раскинулись трущобы. Высокие и низенькие, вросшие в землю домишки, источавшие смрад, гниение, запах нечистот, каких-то химикалий, евших слизистую. Я закашлялся.

Мы остановились на высоком холме. Домишки облепили его со всех сторон. Где-то кричали петухи, клохтали куры, устало брехали собаки. А вокруг, как ни в чем не бывало, бегали дети, играя в обруч, такие же грязные, в обрывках одежд, вокруг серого от грязи и копоты белья. Внизу, среди домиков, петлял заболоченный ручей, там черпали воду, стирали белье, туда же бросали нечистоты. Чуть выше по течению, стоял завод, источавший белую полосу облаков из массивных труб, столь едкую, что прожигала даже голубое небо, делая его серым окрест себя. Краем облачный шлейф тянулся над трущобами, может острый запах химикалий оттуда? Я снова закашлялся.

Неудивительно, что дети даже не удостоили взглядом выбравшегося из пикапа. Грязный, небритый, всклокоченный – я мало отличался от местных жителей. Разве что кашлял от того, к чему их обоняние, сызмальства огрубев, уже приспособилось.

– Это наша страна, и мы за нее в ответе, – так и не услышав от меня ответа, произнес старший. – Мы сделаем ее лучше, мы для этого родились на свет и точка, – старший резко повернулся ко мне, и тут же изменив тон, спросил, не нужен ли платок. Я отказался.

– Где мы вообще?

– Это окраина столицы, так называемый Старый город. До революции здесь жила знать, потом дома частью снесли, частью перестроили под нужды рабочего класса, вот там, – он указал на химзавод, – находился Летний дворец императора. Простите, но дальше мы не можем вас сопровождать. Но до гостиницы добраться очень просто. Проходите улицу Строителей до конца, выйдете на шоссе Энтузиастов, там будет остановка тридцатого автобуса. Ходит он нерегулярно, но вы сможете поймать маршрутку или велотакси. Они доведут вас до площади Восстания. А оттуда буквально два шага, в сторону Дома Народов. Это высотное здание с золоченым шпилем и часами, вы, наверное, его видели.

– Из номера, – кивнул я. Мы попрощались, неловко пожав руки. Пикап затарахтел, обдав игравших детей клубами черного дыма, скатился вниз по холму. Я еще ждал чего-то, но когда машина скрылась, медленно побрел к шоссе, нагнув голову, прижимая платок к лицу. Как поверженный в драке. Выбирался с пропахших зловонием улиц без солнца, без зелени, без единого стекла, – в неведомую даль, к чистому небу, к паркам и фонтанам. Брел, пока не услышал шум, скрип и крики погонщиков.

На шоссе дома были хотя бы кое-как покрашены – но тоже стояли, зияя пустыми глазницами окон, кое-где забитыми фанерой или заложенными картоном или тряпьем, вяло колышущемся на ветру. Тут хоть можно дышать.

Машин почти нет, – пока я осматривался, проехали с десятков не больше, все старые разваливающиеся колымаги, или такие же пикапы, как и довезший меня сюда. Остальное пространство заполняли либо велосипеды, либо гужевой транспорт, перевозивший пассажиров, продукты, нехитрый скарб, коробки с магазинным товаром. Ни регулировщиков, ни светофоров, перейти на другую сторону пришлось, перебегая между волами и лошадьми и стараясь не вляпаться. Автобус, двухэтажный монстр, прибыл через минут десять ожидания, влезть в него, как ни старался, не смог, слишком много пассажиров, и так висевших на поручнях. Пришлось звать велотакси.

Им управлял старик ветеран, за золотой он согласился доставить меня до самой площади Восстания. Мы отправились в путь, старику хоть и привычно крутить педали, но сегодня он уже наработался, а потому еле тащил крохотный мобиль, честно отработывая врученные деньги, – только негромко позванивали знаки заслуг перед отечеством на кителе.

Путешествие длилось около часа, оба изнемогли. Я добавил старику еще столько же, невзирая на его просьбы, в глазах читалась беспримерная усталость и мольба о помощи, наверное, я был неправ, но запихал в карман меж орденами бумажки и поспешил прочь.

Планета постепенно приходила в себя, расцветали привычные пейзажи, заполнялись знакомыми красками, мир, качнувшись вправо, качнулся влево, но искомой гармонии не достиг – возле самой гостиницы стояли две полицейские машины. Я добрался до номера, стал вызванивать Лидию.

И когда девушка на коммутаторе готова была соединить нас, бросил трубку. Что я скажу ей? Что?

Да, эти революционеры рассказали, как отвечать на все расспросы, еще утром, очень просили запомнить в точности. Мол, после похищения меня усыпили, а затем выбросили на окраине города, еле смог выбраться. И я согласился, не ропща, не возражая. Подавленный, кем? – двадцатилетними недоумками! И так преклоняющимися перед мной, как представителем могущественного Центра терраформирования... будь он неладен. Будь я неладен! И так возносящие его до небес и просящие у него прощения – что же я не надавил на них. Не потребовал немедля отпустить генерала? Иначе, им на головы сверзится небесная кара корпорации. Отчего робко молчал, а после с готовностью вкушал хлеб и пил вино?

Что со мной вообще случилось такое? Робко соглашаясь и поддакивая, не озабочился даже о судьбе своего знакомого, с таким доверием отнесшегося ко мне. Ведь я же инспек-

тор, я по должности своей разруливал непростые ситуации, а засыпался на самой простой. Плевать, что взяли в плен, я перед ними, как титан перед муравьями, одно мое слово могло перевернуть этот мир. И ничего не знаю об этой банде, ни состав, ни число, ни местонахождение. Только серый пикап с драной крышей. И лица по крайней мере трех из этой ячейки. Расковырять их лежбище, вытащить на свет, долго трясти, а потом бросить к ногам – единственное, чего так сильно и так запоздало хотелось.

И еще успокоить хоть как-то Лидию. Моя вина, только моя.

Снова попросил девушку соединить меня с абонентом, оба долго ждали. Наконец, извиняющийся голос: «на том конце никто не отвечает, попробуйте перезвонить попозже». Я похолодел. А если, они и ее, вот так? Выскочил наружу, и в то же мгновение столкнулся с каким-то чином. Вытащив удостоверение комиссара, чин попросил задержаться – нет, с Лидией все в порядке, сейчас она у прокурора дает показания, ну что вы, конечно, ее никто и не думал забирать, мы пытаемся разобраться. И оставшись наедине в номере, прибавил: пожалуйста, не сообщайте об этом инциденте никому, это в ваших же интересах. Я снова подавился и кивал, кивал...

Допрос оказался недолгим – я повторил все то, чему меня научили подпольщики, комиссар, сожалея, откланялся, и попросил только не уезжать из столицы, он еще свяжется. Когда он ушел, я в изнеможении плюхнулся на кровать, ни разу в жизни не чувствуя себя столь униженным. Кулаки нещадно колотили подушку, мяли, терзали ее. Единственный выход, который сумел найти.

Не знаю, сколько пролежал. Есть не хотелось, вставать тоже. Вытянув руку, сделал радио погромче – черная тарелка, лишенная рычажка выключателя, заполнилась голосами ведущих новостей. События передавали каждые три часа, в полдень, полночь, три, шесть и девять. Сейчас половина второго, может...

Нет, говорили о важном правительственном решении – цены на ковровые изделия и товары из хрусталя с сегодняшнего дня снижаются на двадцать процентов. Даже в номере генерала я не видел ничего подобного, хотелось бы знать, они вообще продаются, эти ковры и хрусталь. После виденного утром верилось в них, как в легенду о Прометее.

В дверь поскреблись. Время уборщиц.

Но на пороге стояла Лидия. Налетела, вцепилась, прижавшись всем телом, шептала горячо в шею.

– Жив, все в порядке, вернулся, жив. Я так боялась. Как отец? Видел его, говорил? Что вообще было, расскажи... нет, постой, ноги не держат, лифт отключили опять, еле дошла. Давай посидим чуть.

Сели на смятой постели, Лидия обняла, прижалась всем телом. Снова стала спрашивать про отца. Мороз прошел по коже, она это почувствовала.

– Очень страшно, да? – я кивнул. – А он, его били?

– Нет, они говорили, с ним все будет в порядке, они... они сделали его заложником. Прости, я дурак, и ничего не знаю, а ведь стоило... – сам вцепился в нее, не видеть лица, только вжаться в тело, чувствовать ее сильные объятия, ни о чем не думать. Лидия пыталась говорить, утешая меня, стало хуже, я просил не делать этого, я виноват, я струсил, я мог бы... и не смел ничего сказать. Вот и сейчас не решался открыть о себе всю правду – даже ей. Страшился потерять связь, хрупкую, ненадежную. Жаждал продолжения близости, и оттого замкнул уста, чувствуя, что сейчас каждое лишнее слово будет против нас, против меня.

Она обнимала, плакала, радовалась, что не геройствовал, что вернулся живым. Рада даже, что услышала об отце хоть какую-то новость, в полиции, сколько ни держали, ничего не говорили, что неудивительно, они вечно таятся, когда сказать нечего. Хорошо, ты вернулся невредимым. Лидия так говорила, будто это похищение не первое и не последнее – в ее жизни точно. Я даже спросил об этом. Лидия горько усмехнулась.

– Конечно, нет. Были случаи, как с отцом, устраивались показательные убийства служащих, полицейских, мелких чиновников. Первый раз подняли руку на такую фигуру, на моего отца, – она вздрогнула всем телом. – Я не могу понять, почему он? Что он этим подонкам вообще мог сделать? В их годы он совершал революцию, в семнадцать уже руководил бригадой ополчения, в двадцать стал самым молодым комиссаром, а в двадцать пять... – горло перехватило, говорить она не могла долго, наконец, произнесла: – Наша революция совершалась юными, незапятнанными душами. А эти... что с ними стало такого, раз они к двадцати...

– Лидия, но ты же сказала, революции совершаются...

– Это революционеры? Это шайка бандитов-малолеток! – вскрикнула она. – Жалкие существа, чего они хотят? Императора? Присоединения к Северному Альянсу? Или чтоб нас еще раз раскатал Центр терраформирования? Никогда наш народ не шел на уступки, никогда, ты слышишь, мой отец кремень, он им покажет, он поставит их на место сам, этих ничтожеств! Когда за ними придут, а я не сомневаюсь, что это случится очень быстро, они будут умолять о снисхождении. Как же! С врагами мы не церемонимся, и я первой, ты слышишь, первой всажу пулю в их пустые головы. Чтоб даже мыслей о Северном альянсе не было, – она враз замолчала, вспомнив. Прижалась: – Прости, я не хотела. Сорвалось.

– Я все понимаю, – эта вспышка меня не сказать, что напугала, но как-то разом отделила, я не мог прижать ее к себе, как минуту назад. – Ты ведь знаешь, я сочувствующий. Поэтому меня и в «Спорте» поселили, а не где-то на выселках. Да и твой отец...

– Да, он в людях разбирается. Иначе с тобой и не заговорил бы, – снова порывисто прижалась, но больше не говорила ничего, потихоньку успокаиваясь. Мы долго сидели, глядя в вечеряющее небо. Звезды высыпали на небосклоне, бесчисленные россыпи, как среди них отыскать ту, которая дала жизнь моим предкам? Где она, в той ли стороне, куда я смотрю или в противоположной?

Нет, домой мне не хотелось, вспомнилось, как я, в точности так же три года назад сидел и грезил о небе – там, на Земле, с совсем другой женщиной, которую считал своей, которой поверял тайны и делился пережитыми бедами и радостями, считая, что наш союз навсегда. Где-то далеко-далеко – в прошлом, в годах, световых и обычных отсюда. Вечность должна пройти, чтоб память о тех ночах добралась до этих мест, чтоб я увидел себя, наивно сжимающего в объятьях ту, что считал самой близкой, самой любимой. Вечность минус три года. Сколько это? Совсем немного, если не думать.

Мы поужинали, после, она засобиралась. А утром пришел комиссар, попросил на месте уточнить, где нас остановили – чтоб выиграть время, революционеры стащили машину генерала с дороги в заросшее тростником поле, утром проезжавший крестьянин только по просеке в высокой траве и заподозрил неладное. Указать же место, где меня высадили, я не смог: и не хотел и сам не сориентировался. Блуждал по шоссе Энтузиастов, даже завода не отыскал – действительно, с другой планеты прибыл. Наконец, меня вернули в гостиницу, на этаже, возле столика дежурной, дожидалась Лидия.

– Ну, что? – я покачал головой. Сказать нечего. Просто обнял. Прошли в номер, долго сидели, ничего не говоря. Ее руки все никак не согрелись.

– Он мне сегодня снился. Знаешь, первый раз за... даже не помню за сколько лет. Будто мы пошли в кино, и заблудились в коридорах, темные, одинаковые, он меня тащил куда-то тащил... – Лидия замолчала. – Заплакала, как проснулась. Как он теперь? Вот так взял и исчез, как будто... знаешь, я тоже все время виноватой себя чувствую, будь рядом, может быть, все обошлось, может...

В номер стукнули, бухнули нагло – пришла уборка. Она улыбнулась:

– Вот видишь, даже я, дочь генерала, пасую. Издержки народовластия. Идем в кооперативное кафе, тебе понравится, – и другим голосом, хрипло: – Тебя возили туда..., где отца?

Я кивнул. Когда пришли и сели за столик, начал рассказывать, что было, описывать те места. Однообразные бараки, растянувшиеся на километры, дворцы, превращенные в руины, руины, обращенные в жилье.

– Наверное, там они и обитают. Или неподалеку от гетто.

– Гетто? – поперхнулся я. – Лидия, о чем ты, я по нему час ехал, пока не добрался до площади Восстания. Никогда не думал, что такое вообще здесь возможно...

– Но ты же знаешь, какие трудности мы испытываем. Война, блокада.

– Что ты несешь? Люди живут как скот, без воды, тепла, света, травят себя какой-то жижей из реки, жрут, что попало, мрут, как мухи. Какая война, она кончилась тридцать лет назад.

– А что ты видел? – тут же взвилась Лидия. – Клочок гетто – там живут тунеядцы. Приехали в столицу со всех дыр, думали, им тут за просто так обломится. А у нас везде работать надо.

– Меня вез ветеран войны, старик, вы и его не можете прокормить?

– У нас пенсии только по инвалидности. Не надо передергивать, если не знаешь. Он работает, но у него бесплатное жилье, пайки, талоны. Не надо видеть одно и говорить другое, в этом ты ничем не отличаешься от той пропаганды, которую ваша страна круглосуточно изливает на нас. Да, мы живем бедно. Но нас не сломала ни прошедшая война, ни нынешняя блокада. Мы выдержим и преодолеем все трудности и теми, кем мы были прежде, все равно не станем, – она перевела дух и с нового абзаца продолжила.

– Наверное, тебе говорили, что здесь власти живут в роскоши, а беднякам, ну, как в гетто, достается шиш с маслом. И ты видишь меня, я же чувствую, разговор пойдет обо мне. Вроде, я веду праздный образ жизни, и живу одна в двухкомнатной квартире. Но это квартира отца, а он, согласись, заслуживает награды за свои подвиги. И еще. Со мной в одном доме, живут отличники производств, те, кто честно и добросовестно трудится на благо отчизны. В соседней квартире семья, так глава зарабатывает на заводе четыреста золотых, у него машина, гараж и свой дачный участок. И он не вопит по углам, что его унижают, заставляя работать и грабят при этом.

Она выдохнула. В кафе воцарилось неловкое молчание, на нас старались не обращать внимания, но не могли, мы слишком громко разговаривали.

– Я не знал, прости.

– Я сама инженер-технолог в «Станкине», – продолжила Лидия, уже тише, – у меня шестнадцать авторских свидетельств. Я имею право сама получить квартиру, но не пользуюсь, с жильем у нас напряженка, пусть другие, семейные получают пока, а уж когда сама решу обзавестись семьей, тогда и возьму ордер, – голос дрогнул. Я пододвинулся, хотел обнять.

– Оставь, – глухо произнесла она, – Иди сам на все посмотри, своими глазами. А тогда и поговорим. Сейчас... не могу. Иди, ну...

– Я и смотрел, – зачем-то продолжал прежнее, не выговоренное, – я видел, – и, наконец, замолчав, поднялся, медленно вышел. Официантка, только подошедшая за заказом, долго смотрела вслед. Не Лидия.

Добрел до ближайшего телефона, вызвонил миссию. Долго не отвечали, наконец, ожил руководитель.

– Очень рад вас слышать, очень. Мы слышали о вас по радио, переживали, моя супруга..., а меня даже вызвали в ЦТП на консультации.

– А что ж за все это время так и не соизволили позвонить? Хотя б узнать, не случилось ли что.

– В ЦТП по вашему вопросу проходили консультации, – вместо ответа сообщил руководитель, – я только вернулся. Случай из ряда вон, сами понимаете, подобного не случалось уже... не знаю, случалось ли вообще.

– Раз не случилось, что же произошло сейчас? Почему вообще случилось? Я оказался невесть у кого, невесть где, а вы отправились на консультации, узнав все из газет, – не знаю, для чего я стал нажимать. Понятно, от главы миссии мало, что зависит. Возможно, он даже нажимал там – во время обсуждения. Я хмыкнул. Видимо, ЦТП не способен быстро шевелиться.

– Мы рассматриваем меры по предотвращению подобного, – продолжал он, – ЦТП выразил крайнюю озабоченность. А вы забыли один важный пункт правил, касающийся чипа слежения. Хотя вы и в отпуске и не обязаны быть постоянно на связи, но желательно следовать инструкциям Центра. Тем более, касающихся безопасности сотрудников. И да. Вердикт Центра следующий – вам рекомендовано покинуть 912. Все необходимое для отбытия за наш счет. И ЦТП покроет все расходы и возьмет на себя оплату в части...

Он будто приказ читал. Возможно, так и было. Но он так усердно перечислял расходы на меня, что зло взяло. Не на него, но он оказался крайним:

– Знаете, я был изгнан на шесть недель, как минимум, вот этот минимум и намерен отгулять. А вашу компенсацию, раз уж вы внезапно озаботились моей безопасностью, перечислите сюда. Не все красоты еще посмотрел, не со всеми людьми познакомился, – я шваркнул трубку с такой силой, что разъединения не произошло, некоторое время руководитель что-то выговаривал мне, пока не понял, что ответа не будет. Хлопнув дверью, я вышел на улицу, вернулся в номер. День просидел безвылазно в номере, хотелось все бросить и уехать, но не меньше хотелось остаться и... словом, уехать не смог. Наутро решил последовать совету Лидии.

Наверное, неправильно. Купил серый туземный костюм, в котором ходит большинство мужского населения, арендовал машину и покатыл из столицы в горы, куда, всего ничего назад, ехал с генералом. Не то следы Армии освобождения решил отыскать, не то добраться до места назначения. Останавливали трижды, на четвертый вежливо попросили возвращаться – где-то впереди режимный объект. Что это – узловая железнодорожная станция, плотина или какое-то иное сооружение, не суть, но находиться на нем мне не велено. Нет, не потому что иностранец, на таких объектах вообще запрещено появляться посторонним, неважно, туземец или чужеземец. Посторонним вообще быть нежелательно, доходчиво объяснял краснолицый, тяжеловесный страж порядка, будто извиняясь за свои права и мои обязанности.

Я повернул назад, сделал крюк, та же история. Пришлось сдаться.

А через день позвонили из прокуратуры, попросили прибыть в отдел по работе с иностранными гражданами, второй подъезд, четвертый этаж, шестнадцатый кабинет. Ничего не понял, но внутри будто окаменело что.

Прождав у двери больше часа, и достаточно издергавшись, я попал в кабинет, где пожилой помощник старшего прокурора вручил мне копию решения о моем выдворении из страны на основании статьи тридцать один, пункта два – как необходимость охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и законных интересов граждан. Страну надлежало покинуть за двое суток. В гостиницу я возвращался уже под конвоем. Даже пропуск показывать на входе не пришлось, швейцар открыл дверь шагов за десять и не закрывал еще долго после того, как я с сопровождающими поднимался по ступенькам.

Хотя бы в номер службисты заглядывать не стали. По прибытии немедленно позвонил в миссию. Руки дрожали. Вот когда пришел в прокуратуру, когда получил копию, не дрожали. И даже, когда шел к номеру, сердце билось ровно, хотя пот и застил глаза. А стоило остаться одному – затрясся как припадный. Еле набрал номер.

Руководитель всполошился. Метал громы и молнии в незримого противника, угрожая тому страшными карами, после чего спустился с небес и пообещал заехать, как только я буду готов. Где-то в глубине сознания хотелось смеяться над ним, над его страхами и угрозами –

ну что для ЦТП генеральный прокурор какого-то острова вассальной планеты? Руководитель так вжился в роль туземца, что уж не различал, кто сильнее. И от этого становилось не по себе.

Я собрался незамедлительно. В миссии меня встретили всей командой, жена предложила чай с коньяком, собравшиеся пытались поддержать, кто как мог и умел. Всем было не по себе. Руководитель еще раз пригрозил местному руководству, пытался меня привести в порядок. Его жена, видя что чай я не употребляю, а налегаю на коньяк, вытащила меня на веранду второго этажа, поговорила по душам. Долго выпрашивала, что со мной было, как, – и во время похищения и сейчас. Я больше напирал на настоящее, поминать Армию освобождения сейчас очень не хотелось. Вдруг вошел муж.

– Я сообщил в ЦТП. Надеюсь, меры последуют. А вы можете или переехать немедленно домой или на любую другую планету по усмотрению. Или поселиться в нашем доме. Я вам сделаю новые документы гражданина страны, да, на ваш счет в качестве компенсации за моральный ущерб уже поступил эквивалент двух тысяч золотых в местной валюте... – жена цыкнула на него, супруг замолк, выжидающе смотря на меня. Я кусал губы. Наверное, нам обоим хотелось чтоб я задержался. Вдруг вспомнился генерал, радовавшийся моим визитам, точно ребенок. Как он сейчас?

– Я бы хотел подзадержаться здесь. Не знаю, надолго ли, но Лидия... она одна, а я.... Хочется хоть как-то помочь ей.

– Только без вот этого... – тут же встрял руководитель. – Без поездок и поисков, – жена молчала, сжав губы в тонкую щель. – Надеюсь, вы понимаете, что... И включите ваш чип. Обещаю, что никому на планете, кроме техника, не под силу отслеживать ваше перемещение. В подвале дома находится единственный монитор.

Я согласился, но с условием: чип будет работать в спящем режиме и пошлет сигнал, только, если мне будет что-то угрожать. Или я сам пошлю его, если сочту необходимым.

– Но как же это? Ведь чтобы послать за вами помощь, потребуется время на согласование, а это несколько часов, – опешил руководитель.

– А если вы будете следить постоянно, разве не потребуется? – он растерянно кивнул. Ситуация дурацкая: случись что, и так и эдак выходило, помощи ждать уйму времени. Поскольку я временно отстранен, контракт запрещает следить за моими перемещениями, а если подам сигнал, техникам ЦТП надо предварительно протестировать его, убедиться, что нет ложного срабатывания, рассинхронизации, что я адекватен, наконец, – все, ради того, чтоб руководство не обвинили в слежке за сотрудниками.

– Буду жить у Лидии, если простит, у вас, если нет. Я позвоню от нее. Да что тут, на велотакси полчаса.

– Вы сегодня к ней хотите? – на лице супруги отобразилась неловкость. Я кивнул. Та согласилась, не очень охотно. Не хотелось меня отпускать. Ведь большой ребенок, ничего не понимающий в жизни, только присматривать.

Дом нашел легко, фонари горели повсюду. Лидия жила на Первой Парковой, небольшой трехэтажный дом с палисадом, напротив лесопарк, молодые мамы прогуливают своих чад, дети постарше носятся по гаревым дорожкам. Маленькая идиллия. Вид портил только загвазданный пикап, припаркованный за газетным киоском.

Сердце пропустило удар, на ватных ногах доковылял до машины. Внутри, на месте водителя, сидела Рада. Увидев меня, бледную мою тень, вздрогнула всем телом. Сколько мы смотрели друг на друга, трудно сказать, наверное, долго.

– Почему вы тут? – кажется, вопрос был задан обоюдный. Рада смутилась. – Я узнала, вас выдворяют. По радио передали.

Уже. Плохие новости распространяются быстрее быстрого. Значит, Лидия в курсе.

– Я пришел повидаться с Лидией. Вы зачем сюда приехали? И как ее отец? – она хотела ответить, но следующая моя фраза заставила нас обоих замолчать и снова долго вглядываться друг в друга: – Мне надо его увидеть. Сегодня же, вы понимаете меня, сейчас.

Откуда-то вывернулся Гор и замер.

– Он хочет видеть генерала, – тихо произнесла девушка. Вечный ее спутник очень долго не сводил с девушки взгляда, они будто разговаривали так. Наконец, Гор поднял голову.

– Могу я взять с вас слово, что не расскажете ни ей, – кивок в сторону дома, – ни кому бы то ни было, о его местонахождении?

– Вы будете мне ставить условия?

– Вы не оставляете выбора. И... я вас прошу об этом, – помедлив, я кивнул. Гор открыл мне дверь пассажирского сиденья, сам сел рядом, медленно тронулись в путь.

Ехали долго, с час, быстро свернули с шоссе и проселочными грунтовками добирались до места. Завиделись шахты, терриконы пустой породы на фоне стремительно черневшего неба, поворот, поля и поля, новый поворот, и нас поглотила сельва. Ни зги, только мелкие блестящие звезд да по самому краю блеклая полоса Млечного пути. Фары вырывали кустарники, низко склонившиеся ветви, широченные листья, припадавшие к дороге.

Вот и дом. Незузнаваемый, но неизменный. Март стоял на крыльце, кажется, мое появление его нисколько не удивило. С ним вместе находился еще один из ячейки, вдвоем с Гором, они открыли пикап, начали вытаскивать пустые коробки. Я спросил, что это, – мы же работаем, ответила Рада. Развозим заказы. Надо же на что-то существовать нашей организации.

Последним Гор подал обрез с испарянным стволом. Ничего лучше не достать. А патроны? – поинтересовался Март. Он покачал головой – будут только на следующей неделе, немного, коробка. Пятьдесят штук. Пока все, что можем позволить. И взглянул на меня. Я повторил просьбу.

Март сам проводил меня в подвал. Длинная черная лестница, дважды преломляясь, спускалась метра на четыре, внизу находился просторный погреб, запах хлорки не выветрил спиртовые пары, верно, тут гнали сивуху. Сейчас аппаратов нет, только газовые баллоны, ящики, инструменты, старые газеты и журналы. Я прошел к дальней части подвала, там виделась дверь, Март остановил меня. Откинув пустую полку, выдвинул панель, за ней находился неширокий лаз, куда можно проникнуть разве что, на четвереньках. Огонек свечи озарял небольшую, метра два на два клеть, стены в разводах сырости, немного журналов на полу, некое подобие вешалки, походное кресло и продавленная раскладушка. На ней и сидел пленник, читая затрепанный журнал. Масса эмоций, враз переменялась на моем и его лицах, едва мы встретились взглядами.

– Я прибыл от Лидии. Мне важно передать ей, как вы, все ли в порядке.

– Вы не с ними? – я покачал головой. – Хоть это хорошо, а то, знаете, когда эти гаврики нас заграбастали, я уж подумал... погодите, вы не один? Их взяли? Но как же вы?

Объяснить действительно сложно. Слишком много вопросов. И первый же заставил старика посмотреть на меня иначе.

– Думал, что вы не северянин, ну может, наполовину, сколько с ними воевал, назубок выучил. Но такого представить... и чтоб вы явились сюда, ко мне, тем более. Знал, в жизни не познакомил с дочерью, напротив, гнал бы в ваш ЦТП, только пятки сверкали. Что вы вообще здесь делаете, этой швали потакаете? В хозяина заигрались? Вам что, вернуться захотелось сюда, мало получили? Или теперь просто подличаете?

Он поднялся с кровати, внезапно воздвигнувшись надо мной, словно скала, я подумал, сколько ж в нем еще нерастроченной силы, силы, готовой поднять это изломанное тело и снова бросить в самое пекло. Куда угодно, лишь бы не сидеть на кровати, просматривая

вхолостую газеты. Я невольно обернулся на лаз, где-то за ним стоял, прослушивая наш разговор, старший.

Тогда в ответ на мою просьбу проводить к пленнику, Март сперва попросил несколько минут объясниться, почему они взяли генерала, уважаемого в народе человека. Но прежде спросил меня, что слышно о похищении, ведь радио молчит, а ко мне приходил сам комиссар. Я покачал головой: ищут, но и только. Если б нашли, передали по радио, тут же встряла Рада, старший кивнул, но с неохотой. Тем временем, Гор и второй – крепыш по имени Тит – закончили погрузку, подошли сзади, как бы зажимая меня в тиски, потоптались, переспросили. Никаких известий, снова ответила Рада. Март недовольно глянул на всех троих, отвел меня в сторону.

– Понимаете, мы очень уважаем генерала, мы ценим его заслуги, – он оглянулся на отошедших, – мы гордимся им, я говорю это без ложного пафоса. Раз вы пришли сюда за ним, по велению его дочери, своего сердца, я должен все объяснить. Мы несвободны. Да вы, верно, сами видели, там, на шоссе Энтузиастов.

– Скажи ему, насколько мы несвободны, – громко произнес Гор, трудно сказать, подслушивал он или нет.

– Мне сказали, это гетто.

– Верно. Въезд в столицу закрыт для жителей других областей, прибыть можно только на время и только по одобренной заявке. Столица, самый богатый и вольный город страны. Витрина государства трудящихся. Здесь почти все есть, здесь можно устроиться, и люди, как на картинке, ухоженные, довольные жизнью. Поверившие этой картинке, приезжают сюда, а оказываются в гетто. Существует отбор на работы для понаехавших, но пока они не получили прописки, то живут в грязных общежитиях, не получая талонов, не имея большинства прав. Их дети не всегда могут попасть даже в школу, а в их районы редко навевается карета скорой. Их могут выгнать в любой момент, но они работают не покладая рук, чтобы обеспечить детей всем необходимым, ведь ради них вкалывают – на заводе химических удобрений, вы видели его, на лакокрасочных предприятиях, в автомобильных цехах – на той работе, которой брезгуют столичные жители. Получают гроши, но цепляются за шанс, верят в светлое будущее, – он вздохнул. – Все мы верим в светлое будущее. И не верим в него.

И теперь уже я начал рассказывать о себе генералу, сбивчиво и непонятно. Старик долго молчал, слушал, и размышлял о своем. Кажется, в этот момент мы оба ощутили себя в его номере, он сел на продавленную раскладушку, огляделся, словно что-то ища. Обычно так он включал радио, я глянул на часы – они показывали девять. Новостной выпуск он никогда не пропускал.

Вот только черной тарелки на стене не было. Ничего, кроме серых разводов на холодном бетоне.

– Вы будто ребенок, – наконец, произнес он. – Примчались, восторгались, а когда попали в переплет.... Что с Лидией?

Голос стал жестким, сухим. Я рассказал о допросах в полиции, о визите комиссара. Старика это явно не обрадовало.

– Ищут, – наконец, произнес он. – Значит, всех подняли. В новостях есть сообщения? Были бы, – перебивая себя, продолжил он, – эта шкода сюда первой бы прискакала. Им ведь этого надо только. Молодец, девочка, держится, очень хорошо. Но вам лучше подле нее не светится. И... вы ведь выйдете? Так вот, звонить нельзя, прослушивают, встретиться где-то в людном месте. В кафе там, магазине, и передайте, что жив, здоров и все. Не надо с ней связываться.

– Я... простите, я питаю определенные чувства к вашей дочери, но...

– Да плевать сейчас на них! Вы что думаете, я о вас сейчас забочусь?

Перед тем, как мне отправиться в лаз, ко мне подошел Гор, глаза блистали невысказанным.

– Ты про свободу скажи, про права. Главное, мы все люди второго сорта, рабы, как были при императоре, так и остались. У нас самая прекрасная конституция, вы читали ее, читали? Она вместо святого писания в каждой гостинице, в тумбочке, на мелованной бумаге, видели? – я кивнул. – Самая прогрессивная в мире, даже в Альянсе так говорят.

– Гор, подожди, я начал с начала.

– Ты бы подбирался час, оратор, а надо сразу. У нас право на митинги, вы бы попробовали выйти просто так и что-то, неважно что, вякнуть. Пятнадцать лет только за участие.

– Да, недавнее постановление правительства ужесточило...

– Не то слово. Это нас забоялись, не просто ж так. А до войны, говорят, можно было свободно выходить. Свобода слова – где она? Свобода печати? – не смешно. Свобода перемещения – как же! Крестьяне не имеют даже паспортов, а прочим надо постоянно отмечаться в райотделе полиции. Да вы сами, сами на себе испытали, ну и как вам общество равных возможностей?

Я безмолвствовал, не зная, что сказать. Как сказать.

– К Лидии шпана приставала? Являлась к ней? – продолжал генерал. Я рассказал, как встретился с ними. Он зло стукнул по алюминиевому каркасу лежбища. – Вот еще и поэтому вы не лезьте, не хватало еще их приплести. Как выйдете, очень вас прошу, скажите ей, чтоб... – и замолчал надолго. Будто не хватало слов.

– Вы будете смеяться, – продолжил Гор, – но из словаря исчезло слово «митинг», даже академического, на восемьдесят тысяч.

– При императоре словарь был сто пятьдесят тысяч, жаль, моя бабушка не сохранила, – влезла и девушка, не желая оставаться в стороне. – Я даже представить не могу, сколько слов мы потеряли. И каких. Может, хороших слов, ведь столько... Жаль, не сравнишь сейчас. Доступа нет. К архивам империи вообще нет доступа. Я училась на филолога. Пыталась взять не те газеты для курсовой, выгнали. Нам от всей империи остались только партийные листки и подметные газетенки, остальное в спецхране. А ведь в газетах прежде удивительные рассказы печатались, писателей, которые тоже под запретом. Их иногда провозят иностранцы, наше прошлое кто-то распространяет самиздатом. Копировальную бумагу и ту запретили.

– Запретили, потому что печатали прокламации, – ответил Гор. – Детский лепет. Потому мы и стали армией, что прежнее поколение митинговало, призывало и разжигало. Мы новое поколение борцов, и мы мстим за отнятое у нас. За наше по праву.

– Гор, не надо, – Рада. Заглянула в глаза. Сейчас она выглядела заметно старше других.

– Прости, – он разом стих, будто сдулся.

– Понимаете, мы генерала потому похитили, что осознали, иного способа нет. Ну, казним мы еще двух-трех мелких сошек, ну, найдут нас, обвинят в пособничестве северянам и уничтожат, что толку. А теперь мы о себе скажем во весь голос.

– Это идея Рады, целиком и полностью, – с неким даже восторгом сказал Гор. Март нахмурился, но промолчал. – Она все сама разработала.

– А что вы хотите сказать о себе? – наконец, спросил я.

– Что мы есть, разумеется. – не задумавшись, ответила она. – Что мы не группка отщепенцев, не пятая колонна Альянса. Мы организация. Они этого больше всего боятся. Признать нас боятся. Сейчас мы их этим похищением в угол поставили. Либо признают, либо придется попрощаться с генералом. Конечно, мы ничего с ним не сделаем, но в письме, которое вы нам помешали передать Лидии, так и написано. Ничего, завтра положим в ее ящик, узнают... Знаете, а я даже рада, что о нас пока ничего не говорят. Всю страну обшаривают, не находят.

– И не найдут, пока мы не разрешим, – произнес Март, – пока о нас не узнают. Я и прежде говорил, и повторю, это наша страна, мы ее дети, мы, все мы, желаем ей величия и процветания. Но та власть... наша земля заслуживает большего и лучшего. Вы сами видели, вы ездили по другим городам, я знаю.

– За это вас и депортируют, – влез Гор, – ведь вы понимаете, здесь невозможно дышать, нельзя мыслить, любить, творить. Мы можем только угождать, подличать, стучать, у нас полстраны сексотов. А много надо дать горожанину, чтоб он выдал понаехавшего? Сам приплатит и будет счастлив, что помогает родине – своих же, своих, топча и терзая, он думает, делает благо, освобождает рабочие места для достойных или чего-то еще, что ему говорят.

– Гор, уймись.

– Стукачи всюду, – наконец, произнес свое слово Тит. – Когда власть сменится, о, это будет пиршество духа, когда все узнают, что их соседи, друзья, близкие, родные... да все. Это будет что-то, – он потер сухие руки, буквально шкрябая мозолями и неприятно улыбнулся.

– Этого мы не допустим, – коротко сказал Март. – Только позже. Лет через пятьдесят. Нам надо страну сохранить.

– Думаешь, это так просто сделать. За прошедшие сто лет остров трижды перепахивали. И мы еще раз перепашем. А как иначе-то? Мы уже начали кровить, теперь поди останись, – он протянул Марту руки, будто в подтверждение. Рада вздрогнула. Без лишних слов стало понятным, кто убил водителя старика. Кто в группе ответственный за грязную работу.

– Ты сейчас и про генерала тоже? Да, фигура была, – отметил Гор. – Теперь он символ...

– Что? – похолодев, переспросил я.

– Была фигура, – сказал старик сухо. – Теперь памятник. Вы не знаете, это понятно, но вот гаврики, они с похищением сморозили. После войны я лет пять-десять еще что-то значил, в комиссариате сидел, восстановлением руководил. За полгода боев тут ведь камня на камне не осталось. Обстреливали круглосуточно, а мы только мониторы могли уничтожать. Вся наша береговая оборона в первые часы боев в хлам, все дредноуты потоплены в первом бою. Надежда только на артиллерию, ее за два дня подкатили к новой линии фронта и пока северяне окапывались.... Лидия, что ж я ее в городе оставил, что же я их обоих-то приговорил... – он вздрогнул, спохватился и продолжил совсем иным голосом и об ином: – Вы тоже здесь не появляйтесь. Меня приговорили, вы же слышали, наш народ переговоров с террористами не ведет. А я двадцать лет свадебный генерал. Меня проще освободить посмертно. Тогда и памятник оправдается. И спецопераций не потребуется, так, с воздуха газом травануть или огнеметами. Вы же читаете иногда, мол, там-то и там-то ликвидированы бандформирования Северного альянса. Ну, вот я этим поначалу занимался, тактика с той поры не изменилась. Живым никого брать не будут, да и зачем. Пробовали уже, сколько не пытали, а все про свое пытаются говорить. Ну эти, из Крусады.

Он замолчал, молчал и я. Март открыл лаз и велел прощаться с генералом. Когда я выбрался, старший зашел внутрь. Кажется, Март просил генерала что-то написать собственноручно, тот лишь усмехался в ответ. Голоса превратились в шебуршание, затем все стихло. Наконец, Март выбрался. В руке он держал портативную фотокамеру, в другой только что вынутую из нее пластинку.

Все время, пока он пропадал с генералом, мы молчали. Март оглядел собравшихся:

– Напугал вас, – обращаясь уже ко мне, сказал он. – Напрасно. Старый человек, все равно нас не поймет. Тит отдай это Нилу, пусть проявит и отпечатает. В самом деле, – снова мне, – чего дочь беспокоить, ее и так надергали. Мы другим путем пойдем.

Значит, ничего не пропустил. Рада взяла меня под руку, повела наверх. Ушла. Я долго сидел в одиночестве за деревянным столом, глядя в заоконную темень. Шелест листьев да

далекие крики полночных птиц. И крохотный клочок неба, покрытый облаками: ни одной звезды, ни просвета.

От прикосновения вздрогнул. Рада.

– Простите... Давайте, я вас отвезу, вас ведь ждут.

Ждут? Наверное..., только кто. Миссия думает, я у Лидии, дочь плененного генерала... даже не знаю, думает ли она обо мне. Мы крепко повздорили, после не общались, я собиравшись навестить, но увидев знакомый пикап, подошел, почти подбежал к нему. Что мне сказать ей? – что уезжаю? Что это все? Снова лгать, снова изображать кого-то?

Я даже не знаю, что мне сказать об ее отце. Как рассказать. Одно мое слово – и этого места не будет, старика, скорее всего, тоже, если он так говорит. Или нет? Не хочу сомневаться в этом, не хочу терять. Никого не хочу терять. А они... будто нарочно. Зачем им сдался водитель?

– Я вас отвезу, – произнесла Рада. Я кивнул. Мы медленно вышли, сели в пикап. Кузов оказался задержан плотной светлой тканью с надписью «Белые столбы». Я кивнул, спрашивая, что это. Сумасшедший дом, ответила Рада. Вздохнула коротко, а затем неожиданно улыбнулась.

– Тит, Март и Нил там работают. Тит интерн, Март поставщик, пикап его отца, он берет по надобности клиники. Отсюда у нас талоны на бензин и иногда хорошая кухня, раз в месяц, во время завоза. Нил, он там охранником, – пока она говорила, мы вывернули из опустевшей деревни на щербатую грунтовку. – Вот сами смотрите, во-он за тем забором. Совсем недалеко отсюда, – улыбка внезапно потухла. – Мою старшую сестру туда свезли. Отделение для буйных, оттуда не возвращаются.

– За что? – она не ответила. Или ответила, сказав:

– Все должны трудиться. Я вот работаю судомойкой. Гор подвизался политинформатором на тракторный завод, впрочем, у него к этому жилка, – она снова улыбнулась, куда теплее, чем раньше. Я опустил взгляд. Снова помолчали. Машина взобралась на холм и неторопливо спускалась.

– Вы не рискуете, что везете меня на машине Марта? – она покачала головой, снова не ответив. Или опять ответила:

– Давайте перейдем на «ты»... А ваши документы, то есть твои, в порядке? – я молча показал новую корочку паспорта, слова не шли, опять замолчали. Пикап вывернул на асфальт, скорость возросла, а затем спала. Впереди показался пост дорожной полиции. Тормозили всех. – Нас ищут, – Рада странно улыбнулась. Меня как-то перетряхнуло от блистающих в черноте ночи глаз. Остановила машину, подала права полицейскому, на мои он и не посмотрел. Краем глаза я успел заметить еще двоих, сидевших в патрульной машине с настежь распахнутыми дверями. У обоих карабины на коленях, один дремлет, другой согревается кофе.

– У тебя доверенность?

– Я жена Марта, – просто сказала она. И тут же добавила, верно, взглянув на мое лицо. – Не берите в голову, мы с ним замужем еще с той поры, как он привел меня на первое заседание. Это... считайте, это конспирацией. Мы ведь не только фрукты-овощи сумасшедшим развозим. Ну правда, не смотрите на меня так. Мы все товарищи, и для нас главное совсем другое, вы понимаете, что. Я для него как младшая сестра. Обидно. Ведь он так долго не хотел соглашаться с очевидным.

– Ты про похищение?

– Да, вы правы, – она снова улыбнулась, на этот раз глаза блеснули тепло, знакомо, – Вот видите, никак не могу называть вас на «ты». Простите. Но вы называйте, мне так по душе. Будете моим дядей, согласны? – и тут же: – Я шучу, конечно. Мне все говорят, что странная, вот и вы убедились, насколько.

Я улыбнулся, отведя взгляд, пытаюсь спрятать подрагивающие уголки губ. Рада долго смотрела на меня, почти не следя за дорогой, потом вдруг стала рассказывать. Про первое знакомство с Мартом, как притянул его негромкий, проникновенный голос, как пошла на первую встречу с ячейкой. Рада как ни старалась, все равно говорила о нем, будто о любовнике, хоть и прежнем, давно брошенном, но о человеке, с которым пережила немало сладостных минут. Я слушал о ее первом задании, вперемешку с тем, как она устроилась на нынешнюю работу. Как познакомилась с остальными членами их маленькой армии – Нилом, Титом, еще двумя, Гор появился чуть позже. Как распространяла листовки по адресам, и как тряслись ее руки. Как потом не спала две ночи подряд, совершенно измученная, пришла к Марту, и как они еще ночь просидели до утра вместе, и утром он довез ее на «этой сумасшедшей машине» до работы. И еще сидели вместе, когда забрали ее сестру, Март все пытался устроить свидание, ему это удалось, но накачанная галоперидолом, сестра никого уже не узнавала – тихая спокойная, бесчувственная. И потом, Рада торопливо перевела разговор, когда сестру забрали, именно она предложила сменить тактику. Конечно, ее не послушали, кроме Гора, пожалуй. А после того, как они казнили начальника надзорной службы лагеря для перемещенных лиц, и как из их ячейки ушло двое, Март согласился.

– Ты все его любишь, – не выдержал, хотел спросить другое, но слова сами сорвались. Рада рассмеялась, сухо, жестко как-то.

– Он мне как брат. Даже ближе. Но если ты намекаешь на близость иного рода, поверь, мы никогда не были.... Мы права не имеем. Ни друг перед другом, ни перед кем-то еще. И не можем подставить других, ведь, если кто-то из нас попадет, он сдаст не только товарищей своих, но и друзей, да и еще много кого. Пыточных дел мастера тут горазды. Они слишком многое умеют, – Рада содрогнулась, даже машину остановила, руки тряслись, я невольно прижал ее к себе, однако, она отстранилась, и продолжила: – Нельзя надеяться, что попавшись, ты не сдашь всех. Поэтому каждый из нас носит при себе вот такую ампулу с цианидом. Чтоб сразу, – она показала, крохотную капсулу, зашитую за ворот. Внешне похоже на моточек ниток. – Достаточно надкусить. У нас раньше так уходили те, кто терял самого близкого, их даже в ритуальных магазинах продавали, до войны еще, говорят. Покупали жены, матери тех, кто не вернулся с фронта. Сейчас все под запретом, но их передают, те, что остались, или еще производят, не знаю. У них нет срока годности. У нас всех есть, даже у тех, кто уходит.

– Кого забирают?

– Нет, мы с ними прощаемся сразу, если забрали, сам понимаешь.... Здесь все может случиться. А мы очень хотим, чтоб могло только хорошее. Поэтому у нас руки по локоть в крови, – она вздрогнула всем телом, вздрогнула еще раз. Я не сразу понял, что Рада плачет. Притянул к себе, обнял. На этот раз не отстранилась.

– Спасибо. Накатило, – она вздохнула, полной грудью, пытаюсь так избавиться от извечного морока. – Я вас довезу до Университетского проспекта, от Магистральной совсем недалеко, – согласившись, спросил, а ничего, что пикап, такой приметный, будет ездить в городе ночью, – Нет, я по делу. Надо на складе доски выбить для замены пола во втором корпусе, а туда приезжать лучше в ночную смену, будет шанс достать не гнилье.

Пикап завелся. Несколько минут миновало, и он, проехав величественное здание университета, оказался возле парка. Если выйти здесь, можно напрямик попасть к дому Лидии, вы ведь туда сейчас. Я покачал головой. Рада улыбнулась.

– Тогда счастливо, – пикап затарахтел, растворяясь во тьме ночи. Я стоял у края тротуара несколько минут, пока шум мотора не затих вдали. Следом проскользила черная легковушка, и еще один пикап, на сей раз, зеленый. Парк не был закрыт, но заходить в его черноту не хотелось, вдоль Университетского проспекта еще кое-где горели фонари, я двинулся пешком, раскладывая в воображении карту округи. Свернул на Молодежную улицу, затем

на Большую Академическую. Почти угадал, следующей оказалась Инженерная, в конце которой, на Госпитальном валу, находился неприметный дом миссии.

Прибыл полночь, однако, никто не спал. Руководитель встретил меня у дверей, с порога напомнив об ответственности за поздние прогулки. Да, документы в порядке, но в столице год как комендантский час, негласно, разумеется, но такие вещи надо знать. И понимать, какая сейчас такая непростая обстановка. Услышав об обстановке, я не выдержал.

– Кажется, вы вконец заигрались в экспата, – зло рявкнул в лицо и бухнул дверью перед его носом. Жена принесла ужин, я отказался, ничего не хотелось. Даже слышать их приглушенные голоса. Плотней закрыв дверь, провалился в непамятный сон, из которого выбрался наутро в состоянии неестественной бодрости. Не знаю, что мне такого снилось.

После плотного завтрака – за которым мы и помирились – попросил телефонный справочник. Оказывается, здесь такого нет, мало ли кто и что может узнать, пришлось идти в ближайшую горсправку. И за двадцать грошей узнать рабочий телефон Лидии, на который я из ближайшего автомата и позвонил. Ее долго искали, просили обождать, снова искали.

– Прости меня, дурака. Нам надо поговорить, – согласилась немедля, будто ничего и не было. Попросила подъехать к главной проходной станкоинструментального опытного завода, она отпросится, но только на полчаса, новый заказ пришел в КБ. Когда подъехал, она стояла у проходной, в зеленом платке и светлом сарафане; в этом простецком наряде я не сразу узнал Лидию.

Прошли в буфет, через узкую тенистую улочку, по которой прогремыхал пустой в полуденный час трамвай. Прохладное сумеречное помещение в полуподвале, высокие столы без стульев. Мы встали за крайний, вдали от чужих глаз. Наверное, со стороны – краткая встреча влюбленных, во время обеденного перерыва. Она заказала чай с лимоном, я попросил пиво.

– Рада тебя снова увидеть, хотя ты и невозможен. Слышала, тебя собирались депортировать, неужели отменилось?

– Нет. Можно сказать, перешел на нелегальное положение, – хотел показать ей новый паспорт, но не решился. В нем, в отличие от паспорта иностранца, снимка не было, только робкая фраза в пустом квадратике «место для фото (не обязательно)». У меня, что подчеркивала графа «социальное положение» – «кустарь» – таких возможностей не находилось. А по серии документа можно было понять, что в столицу я прибыл давно, и закрепился в артели. А еще, что не сидел, и не поражен в правах, – все это мне долго объяснял руководитель миссии, вручая потрепанную корочку со скверной бумагой и расплывающимися оттисками букв, единственной защитой которой служила надпись «подделка преследуется по закону». – Да, это неважно.

– То есть как неважно? Это из-за меня? Но послушай... – я попытался перебить, Лидия попросту закрыла рот ладонью. И продолжала уже тихим шепотом, так, что на нее стали оборачиваться: – Не надо. Это уже слишком. Если ты не подчинишься решению, тебя ждет суд и тюрьма. Я не хочу всего этого. Надо переждать, – я отвел руку и так же шепотом в ухо, отвечал:

– Я сюда приехал, потому что считал это место лучшим. Не для отдыха, просто лучшим, пусть отсталым, но отличным от того, что у меня дома. И я не хочу уезжать. Пусть безумие, пусть угрожают, пусть попробуют выкинуть. Мне очень хорошо здесь, несмотря ни на что. Я никуда не уйду.

Она покраснела, чуть отодвинувшись, потом побледнела.

– Я так не могу. Ты себя погубишь, тебя отправят на каторгу, на шламовые поля, на рудники.

– На каторгу? У вас же....

– Знаю, знаю. Но ведь кто-то там работает, а кто, кроме эков? Ты бы видел крематорий... ты видел. Ты знаешь. Я не хочу, милый, не надо, прошу тебя, очень прошу, – и тут же, – Давай так. Я тебя отвезу к себе домой, ты будешь все время жить там, пока не утрясется, месяц, два, полгода. Я спрячу тебя. Только не никому не открывай дверь, и никогда не выходи из квартиры. И не подходи к телефону, если только...

– Лидия, я живу в миссии, и у меня новый паспорт, – я протянул красную трепаную корочку с такими же кровавыми страницами. – Я смогу тут продержаться.

– Откуда у тебя это? – она вздрогнула всем телом, и отбросила паспорт так, будто он отравлен. – От похитителей? Нет, не могли, значит, уже оттуда, из-за рубежа? Но...

– Лидия, послушай. Вчера я видел твоего отца. Поэтому попросил тебя выскочить на минутку. С ним...

– Отца? – она замолчала на полуслове, смотрела на меня, не отрывая взгляда, не зная, что сказать, как сказать. Вцепилась в меня, горячо зашептав: – Как он, как ты... что с ним? Но почему не сказал сразу.

– Он не велел. Объяснил, как нам и где лучше встретиться. Передаю: с ним все в порядке, здоров, правда, содержится в сыром подвальном помещении, но я надеюсь, долго это не продлится. Кормят нормально, вот только выходить не разрешают, но дают читать газеты...

– Ты... ты как с ними связался? Рассказывай.

Я долго молча смотрел на нее. Как рассказать. Правду? Какую правду? Я начал со лжи, придя в этот мир, и никак не могу остановиться, прекратить лгать человеку, который для меня не просто безразличен, который мне нужен, к которому я возвращаюсь всякий раз. И которому теперь так нужна помощь; не понимаю, даю я ей хоть часть необходимого или отбираю все время? Хоть что-то даю ей?

Я начал рассказывать, что меня привезли, что увидел отца, беседовал с ним, потом спохватился. Вздрыгнул всем телом. В проеме двери, ведущей на кухню буфета, мелькнула знакомая тень. Рада. Так именно здесь она работает судомойкой, здесь она увидела Лидию, здесь созрел план. Отсюда и письмо... письмо.

– Тебе может придти письмо без адресата, может, не одно. Не открывай его, не читай, сожги сразу. Если оно придет, уничтожь и никому ни слова. Не обращай в полицию, никому ничего не говори, ты поняла?

Она побелела до синевы, на какой-то миг страх, разлитый по стране, вдруг сконцентрировавшись здесь, в подвале, разом сковал нас обоих. Никогда бы не подумал прежде, что подвержен ему. Мгновенно она все поняла. С трудом сглотнула комок, застрявший в горле. Дыхание вырывалось с трудом, с хрипом, наверное, я выглядел не лучше. Пронзительный скрип заставил нас вздрогнуть и оглянуться, неловкий посетитель задел стол, едва не вывернув его с места. Бухнула дверь. Мы остались наедине.

– Тебе пора уходить, – прошептали мои губы против воли. – Не знаю, как мы свидимся еще, но я приду. Предупрежу, если что. Ты не звони.

– Я не знаю, куда. Где ты, в какой миссии? У нас нет представительств Альянса.

– Я позвоню. И сделаю все, чтоб с твоим отцом ничего не случилось.

– Милый, я... я прошу тебя, не надо...

– Иди. Я останусь здесь. Выйду следом, – она кивнула, поднялась по ступенькам. Скрипнула дверь. Как будто прогнал, залезла в подкорку подлая мысль.

Чуть погода выбрался. Оглядевшись по сторонам, Лидии нигде не видно, зашел за угол, к черному ходу буфета. Рада уже стояла там, тяжело опершись на низкие перила крыльца. Даже почувствовав мое приближение, не подняла головы. Лишь когда встал рядом, спросила:

– Ты ей все передал?

– Вы ей ничего не собираетесь посылать? – мы будто местами поменялись. – Точно?

– Точно, – Оторвалась от деревянных перил и распрямившись, оглядела меня. Лицо, как фартук, серое, усталое. Кажется, большая часть жизни уже позади, а та, что осталась... изо дня в день мойка посуды, уборка, раздача приборов, десятки лет без надежды на перемены. – Сегодня ты по-настоящему нашу страну почувствовал. Как мы. Как она. Как все, – и снова опустила глаза.

– Рада, – тихонько позвал я. Она не ответила, выдохнула устало. Помассировала виски.

– Сегодня ночью передавали. Газеты еще не смотрела, денег совсем нет. И спросить не у кого.

– Рада...

– Дополнения в закон о борьбе с экстремизмом. Приняты на специальной сессии Верховного совета. С сегодняшнего дня запрещается распространение сведений, оскорбляющих партию, заведомо ложных, подрывающих авторитет отдельных ее членов, ее истории, политики, будущего. Запрещается обсуждение подобных домыслов. Запрещается подвергать сомнению идеи и задачи партии, ее основателей, членов... вплоть до пятнадцати лет лишения свободы.

– Рада...

– Начальник столичного военного округа снят с должности за халатность в работе и отправлен под суд. Сотрудники внутренних войск и агентурные работники получили право останавливать и обыскивать без санкции прокурора любые транспортные средства, а так же граждан, вызывающих у них подозрение. Неподчинение карается сроком до десяти лет. Недоносительство теперь до пожизненного.... – она вздрогнула всем телом. Отчего же я не решаюсь подойти к ней? – У тебя найдется мелочь? Купи трехгрошовую «Правду», вон, на углу автомат.

Когда вернулся, Рада заплакала. Вцепилась мне в плечо и стояла, тихо, незаметно, рыдая. Чтoб не увидели, не поняли, не узнали. Я крепче прижал ее к себе, сдавил так, что самому стало трудно дышать. Или это потому, что так сильно сгустился воздух?

– Что же вы так, как же вы во все это влезли, как же...

– Не надо, – чуть слышно ответила она, – ничего не говори. Просто ничего не говори.

И прижалась еще сильнее. Я гладил ее короткие жесткие волосы, пахнущие дезинфекцией. Надо сказать, объяснить, сделать что-то, для вот этой девочки, для Лидии, для всех них. Бессилие навалилось, придавило, вжало в тяжелые моренные доски крыльца. И никак не оставляет.

Рада отстранилась.

– Мне надо работать. Прости, – и исчезла.

А я все стоял на крыльце, смотрел на захлопнувшуюся дверь, давно не крашеную. Стоял, ждал. Мысли плескались в голове, поворачиваясь с боку на бок, медлительные, неповоротливые. Не зная, чем себя занять – отчего-то твердо хотелось дожидаться Раду, прямо здесь, хотя до конца смены еще ой, как далеко, – подошел к будке. Там пролистал газету, прочтя толстенный выпуск по диагонали. Шесть полос одного только «Закона о защите исторической правды, революционных идеалов и народной нравственности». Дальше шли поправки в закон о противодействии подрывным и социально опасным элементам. Далее приказы о снятии и назначении в силовых структурах: столица сменила военное руководство едва ли не в полном составе. Далее...

Тарахтение пикапа, нет, другого, чужого, заставило вздрогнуть так, что едва не разбил стекло. Долго приходил в себя, наконец, набрал номер миссии. Один только вопрос – читали? И успокаивающий тон в ответ, да, знаем, уже приняли необходимые меры, оповестили экстремистов, подготовили. На случай экстренных мер, связались со всеми, выправили пропуска

в столицу. Хотя особой необходимости нет, ведь между ЦТП и туземным правительством заключено соглашение о невмешательстве и ни разу, за все время, оно не было нарушено.

– Вашей стороной уж точно. А почему невмешательство? – на это руководитель ответить ничего не смог, не его компетенция. Но все соответствующие органы мы ставим в известность о прибытии нового гостя с других планет. При соблюдении предписанных мер поведения, здесь никого не трогают.

– А со мной что, меня же депортировали.

– Вы вели себя неподобающим для страны образом. Но я счел необходимым пояснить, что этот человек вынужден по не зависящим от него причинам задержаться на какое-то время в стране. Для перестраховки мы вам и выдали паспорт гражданина, ведь низовые органы не в курсе отношений руководства с ЦТП. И, пользуясь случаем, еще раз прошу прекратить незапланированные перемещения вне пределов миссии.

– Вы мне не указ. Тем более защитник из вас... просто поразительный.

– Я понимаю ваше возмущение, но все равно несу за вас ответственность, как перед руководством ЦТП, так и перед туземными властями. И призываю включить чип. Еще раз готов заверить, что система слежения будет включаться и выключаться лишь вами, с техником я уже договорился. И прошу не вмешиваться в туземные конфликты. Ведь по соглашению, на котором и основано наше с властями взаимодействие, вам придется покинуть планету. Или понести наказание, предусмотренное туземными законами для представителей иностранных держав...

Какая-то бессмысленная беспомощность. Хотел возражать, но понял, что только сорвусь. Бросив трубку, вернулся на пост. Долго ждал, наконец, буфет закрылся на обеденный перерыв. Никто не выходил, все равно ждал, стоя на крыльце, глядя в дверь перед собой, так, словно одно наблюдение это могло все изменить.

Подумалось, надо позвонить Лидии. Просто услышать ее голос, просто сказать, что все в порядке, что я постараюсь вытащить ее отца, что я попробую договориться... да сколько ж можно лгать ей? Мне просто хочется увидеть ее, хочется вернуться в прежнее, хочется снова быть втроем, вот так, будто мы одна маленькая семья, на забытой планете, в крохотном государстве, на маленькой земле посреди нескончаемого океана. Наверное, поэтому не могу вернуться. Страшно, жутко, противно, все, что открылось за прошедшие дни, но свет все еще мерцает вдали. Я заблудился, мне хочется выбраться, подойти ближе к этому свету, выйти из бесконечного блуждания, в коем я пребываю столько времени. Хочется вернуться домой. Куда-то в то место, что я назову своим домом. И где меня примут. Лидия.

Дверь бухнула.

– Вы? – и снова, – простите, я не думала, что вы будете меня ждать.

Голос ей изменил. Она и хотела и не решалась подойти, стояла, открыв душную кухню, наполненную запахами кислой капусты, прогоркшего масла, затхлого помещения, давно нуждающегося в ремонте.

Наконец, очнулся сам. Вырвал ее у двери, отвел к улице, к телефонной будке, надо же, занята. Рада впилась в меня взглядом. Глаза..., в них невозможно смотреть.

– Пожалуйста, – чуть слышно, – увезите меня отсюда. Куда-нибудь, неважно. Вы же можете, увезите. Сегодня, сейчас.

Пронизывающий, как северный ветер, взгляд. Я оглянулся на будку, все еще занята. Кивнул.

– Сейчас. Надо позвонить в миссию, – и замолчал. Рада стояла рядом, не сводя глаз, и молчала. Я нетерпеливо переминался, человек, в будке, никак не мог наговориться, что-то доказывал незримому собеседнику, убеждал взмахами руки, изредка похлопывал по глухой фанерной стене, на которой висел аппарат; я не выдержал, постучал монетой. Никакой реакции.

Что скажут в миссии, как на Раду посмотрит руководитель, да плевать, но что дальше? Согласно внутреннему циркуляру о туземном населении, ее отсюда не выпустят. Иначе, как под контролем инспектора. Или если мы сочетаемся браком. Тогда мы вернемся в мою дыру, станем ждать у моря погоды, и если решение ЦТП останется в силе, у меня кончатся деньги, а разрешение на работу вне планеты проживания ей не дадут, у нее до конца дней не будет прав гражданина. Только у детей. Да и потом, сочетаясь браком, я буду обязан докладывать ежемесячно о состоянии финансов. А если я смогу ее пристроить, то... а чем она сможет заняться таким, что не роботизировано? И потом, мы обязаны постоянно жить вместе, пять лет минимум, это если меня вернут, если все наладится – органы по контролю зорко будут следить за нашими ссорами и размолвками, если что не так, ее отошлют обратно.

Да о чем это я? Что тогда с Лидией, постыдно брошенной пару часов назад, изгнанной из буфета, будто, в чем-то уличенной. Я дошел до края и развернувшись, поспешил к Раде. Телефон, наконец-то, освободился.

– Рада? – Тит подошел незаметно, небрежно положил руку на плечо. Заметил меня, кивнул. – Переживаете? Правильно. – Лицо его буквально лучилось непостижимым довольством, словно, он радовался каждой неприятности, всякий раз доказывающей нечто важное его жизни. – Верно переживаете. Правительство всерьез решило за нас взяться. А чего мелочиться-то? Чтоб жители сидели тише воды, ниже травы, – он рассмеялся и обратился к девушке. – Ты сегодня как работаешь? Март хочет устроить сходку, придут все, собственно, кроме Гора, все и так на месте. Надо покумекать, что дальше делать.

Она все еще смотрела на меня. Я замялся.

– Мне надо позвонить и съездить в миссию. Это действительно очень важно. Ты меня подождешь? – зачем спросил, сам не понял. Не хотел.

– Рада, не стой, ответь. Вы сами поосторожней, сейчас на улицах всех шерстить будут, а у вас еще и лицо приметное.

– Я отпросилась, – она наконец, ответила. – Поеду хоть сейчас. Вы тогда... – и тоже сказать нечего. Я топтался перед ней, она кивнула Титу и прошла к улице, там он запарковал свой велосипед. Села на раму, молодой человек крепко обнял ее одной рукой, другой вцепился в руль. Оттолкнулся и покатил прочь. Я залез в будку.

Тут только прохватило. Никого не было в этот час на улице, пустая улица, пустые дома с безликими глазницами окон. Обеденный перерыв кончился, работа засосала всех, я очутился в пустынном городе, давно заброшенном, заметаемом песками, погружающимся в пучину забвения. Мне было дарована свобода – я кричал и плакал, я стучал по рамам и бился головой о фанеру. Когда наваждение схлынуло, очнувшись, крепко сжимая в руке разбитую эбонитовую ручку. Кое-как привел в порядок одежду, и поплелся в миссию. Или вправду, как советовал Тит, пересидеть какое-то время, скрывшись ото всех? Как этого хотела и Лидия. Сколько раз я могу ее бросать, давать надежду и тут же отбирать. Чего я от нее хочу, наконец, только приходить и уходить, рассчитывая на тепло ее рук, на нежность слов, на вечное ожидание. Оно будет, это ожидание, будет, не сомневаюсь. Потому-то так не хочется его. И столь же сильно хочется.

С чипом техник разобрался быстро – наладка заняла четверть часа. Вживленный некогда в плоть кусочек будет подавать сигналы бедствия во всех случаях, когда сердечный ритм, или содержание адреналина или... там еще с десятка параметров – превысят допустимый уровень, а подать мысленный сигнал к отключению я не захочу. Или вызову так же мысленно, миссию. И после на два дня заседание по поводу призыва о помощи. Я пытался смеяться, но на душе оставалось тошно. Когда снова вышел, с трудом запихав в себя обед, спросил только, как добраться до «Белых столбов», не все достопримечательности осмотрел. Кроме шуток, заметила жена, там хороший пляж, отвлекитесь. Тем более, сегодня такой

славный день. Я молча смотрел на нее, не понимая, вторит ли она моей шутке или говорит всерьез.

Я вышел, снабженный зеленым купальным полотенцем, сабо и соломенной шляпой – и отправился на поиски. Недолгие, выбравшись из трамвая, прошел с километр по разбитой дороге и внезапно увидел знакомый поворот. Через десять минут открылась и сама деревня. Я побродил немного, спугнув какую-то парочку, и вышел к знакомому дому. Тут же был встречен Гором с тем самым дробовиком, что тот получил вчера. Дуло подрагивало.

– Как вы нас нашли? – он немного успокоился, убрал оружие.

– Вы живете недалеко от работы.

– Вы что-то хотите предложить? – голос сорвался. Его оттеснила Рада, пригласившая меня в дом. Все оказались на месте, но выглядели не лучшим образом. Сидели за столом, верно, натерпелись, когда узнали, что в брошенном поселке шарится посторонний. На подоконнике я заметил револьвер, на который спешно накинули тряпку.

– Вы от Центра терраформирования? – нетерпеливо продолжил Гор. Март вскинулся, но я опередил. Коротко, как мог, обрисовал позицию ЦТП по планете. Гор дернулся. – А тогда, с чем вы?

– Разве что, с собой, – я развел руками. – Как генерал?

– В порядке. Так дочери и передайте. А вы так и будете сюда каждый день наведываться?

– Я полагал быть вам чем-то полезным. Не знаю, чем, но все же.

Снова пауза, на этот раз, куда дольше. Тит откинулся на спинку стула и убрал револьвер, сунул в щель в стене. Тишина затягивала. Странно, птиц не слышно, вообще никаких звуков, будто в глухом бункере. Я подошел к окну, медленно произнес:

– Наверное, информацией. Я могу достать и распечатать любую литературу, к примеру, по истории наших революций, за последние лет триста. Или, да, я попрошу миссию, чтоб в мой чип слежения установили оповещение в случае появления полиции, точнее полицейских раций, тогда вы сможете подготовиться к штурму.

– У вас случаются революции? – недоуменно спросила Рада. Я кивнул, последний кризис был пятнадцать лет назад, обошлось драками с правоохранителями. Но ответить не успел, Гор перебил:

– А что за чип слежения, за кем вы следите?

Вынужден был его разочаровать. Следят за мной при помощи генетического модуля, инкорпорируемого либо при поступлении на работу, – контракт обязует меня иметь подобное устройство, – либо и вовсе после зачатия. Чтоб человек не затерялся в просторах мироздания, чтоб имел постоянную связь, да и не только. Его используют как кошелек, доступ к банку памяти или органов, да мало еще для каких целей. Это вроде паспорта и ключа от всех дверей, плюс переговорное устройство. Тит восторженно улыбнулся, Гор просиял, Нил вышел из задумчивости и против обыкновения внимательно слушал. Только Март хмурился:

– Значит, вы постоянно под колпаком Центра терраформирования планет? А еще кого – финансовых организаций, таможни или что у вас вместо нее? – Начал отвечать, что чип можно отключить в любой момент, собственно, отправляясь в отпуск сюда, так и сделал, да замер на полуслове. А отключается ли он на самом деле, ведь сигнал с него снимается спутниками постоянно, даже в спящем режиме. Что он передает в эти моменты? Да, где он расположен конкретно? Знаю, антенна в левом плече, так удобнее, а все остальное – загадка. Есть ли у него собственная память, ведет ли он постоянную запись, слышит ли он мою речь, чужую, видит ли через мои зрительные каналы, прослушивает мысли, наконец? На самом деле, я понятия не имею, что он делает. Знаю только, что на планетах без спутников, с чипом

потом морока, очень долгая активация. Значит, сам запоминает и хранит данные – но сколько и какие?

Март слишком прав в своих подозрениях. Сам не раз читал, слушал, разные домыслы о чипе. Но что фабрикуемая ложь, что фальсифицируемая истина, – не имею представления. Слишком много слухов, слишком мало фактов. Как о 912. Пока не начнешь сам копать, не узнаешь.

– Я был прав, что отказывался от контакта с Центром терраформирования, – подвел итог старший, перебивая меня. – Гор, ты все радел за связь – ты тоже хочешь быть на коротком поводке? Имея такой чип, ты ж будешь всегда в руках власти, тебя в любой момент отключить могут. Я прав, могут отключить? Молчите, значит, могут. Ну и что теперь, Гор, Рада, вы все рвались...

– Не получится. Туземцам невозможно покинуть планету иначе, как в сопровождении гида. Слишком разные уровни...

– Ах, ну да, мы ж еще и дикари. Ну, так правы или нет были наши деды, выкинувшие Центр подальше и восставшие против него? И ведь сумели стать сами собой. И нам надо продолжать. Ваши революции нам не указ, у вас все через чип делается, восстают, утихают. В отличие от вас, мы свободны. И мы сможем и привлечь к себе внимание, и спасти отечество от нынешних властителей, от рвущихся до власти чужеземцев, мы сильны, покуда едины. Наш старик генерал был таким же, он может подтвердить.

Собравшиеся подавленно молчали, а Март говорил еще долго. Потом утих, и неожиданно согласился, что с моим чипом на страже будет лучше, чего только не используешь, ради будущей победы. Видя, как я на это отреагировал, извинился, но скорее, механически. Он торжествовал, сегодня снова настал его день.

Я слушал и не слышал Марта. Вернее, мне казалось, я знаю каждое слово, хотя при мне он никогда подобных речей не говорил. Невольно взглянул на Рад, она искоса поглядывала на мужа. Сколько ей было, около шестнадцати, когда вышла за Марта? Почему так поспешно, почему не заметила очевидного? Или действительно, брак по расчету. Я потряс головой. Может, была права, когда говорила, что меж ними ничего нет, и революция важнее. Не знаю. Все равно больно.

– Тогда лучше сходить к генералу, он-то прессу изучил, вот его и послушаем, – произнес Нил.

Все поднялись, отправились в подвал, я оказался замыкающим. Внутрь вместе войти невозможно, попросили старика надеть маску – плотный холщовый мешок – вывели и посадили на скамью. Голоса в подвале зазвучали гулко, перекликаясь тягостным эхом. Будто темной ночью в лесу.

– Здесь мы все и еще человек из Центра терраформирования, – добавил Март, вдруг решив не называть моего имени. – Вы ознакомились с законами и поправками. Мы ждем вашего слова.

– Перебьют. Не сегодня, так завтра, – пожав плечами ответил генерал столь же спокойно, как прежде. – Позвольте вопрос. Почему человек из Центра здесь, вы его решили удержать?

– Я остался сам, – в ответ молчание под мешком, затянутым в узел сзади. Тяжело говорить с маской, никогда не поймешь, что на самом деле хочет сказать собеседник.

– Вы позвольте мне поговорить с ним... попозже, после вас? – Март кивнул, но вспомнив, что его не видят, ответил утвердительно. – Так, что еще вы хотите знать? Вы же читали главное: в случае дачи неверных показаний, отказа от дачи показаний, заложник приравнивается к пособнику. Теперь вам стало понятно, что вы взяли не того?

– Я хотел узнать другое, – произнес Март, прерывая шевеление в рядах.

– Вы об исполнении. Да, все прожекты рассчитаны на впечатлительную публику. Армию отвлекать не будут, вы ведь знаете, что призыв не комплектует войска полностью, приходится добирать силой, а значит, армии лучше следить за самой собой. Но и ста тысяч полицейских недостаточно, чтобы выявить всех и вся.

– А госбезопасность?

– Вы сами сейчас орали, что министерство переключилось на сексотов. Видимо, вам виднее. Да и потом, с чего вы решили, будто законы про вас писаны? – долгая, неприятная тишь. – Вы что всерьез думаете, что вся страна должна подняться, чтоб отыскать где-то недалеко от столицы горстку отщепенцев? Тут хватит и двух батальонов, чтоб за пару дней прочесать все окрестности и выйти на вас.

– Но до сих пор не вышли.

– Не буду спорить. Судя по количеству ступеней и по сырости, вы глубоко меня закопали. Могу предположить, что это карст недалеко от реки, тут копать действительно проще, и подвалы могут вообще уходить в сеть катакомб, по которым удобно перемещаться во время попыток захвата, – жаль, старик не видел лиц сообщников, растерянно переглядывавшихся между собой. Или и так знал, а сейчас просто насмеялся над ними? Тит вскочил со стула и тут же сел, дернутый назад Нилом, чье лицо буквально перекосилось при последних словах. – Но речь в законах не о вас. Да, вы нанесли власти солидную плюху. Но вы слышали ответ? В прессе хоть где-то, хоть что-то обо мне, в голосах? – пауза. – Я и так слышу, что нет. Позвольте узнать, вы с кем связывались, когда меня похитили?

– Со всеми, – тут же ответил Тит, невзирая на молчаливые протесты Марта. – Сперва предупредили полицию, потом газеты, потом радио – вот позавчера как раз.

– Ну а сами вы как оцениваете это молчание?

– Внутренний протест, подавленный самоцензурой, – четко, как у доски, ответил Март. – Еще несколько дней, и о нас заговорят. Пощечина очень неприятная, согласитесь.

– Больше для моей семьи, – и обращаясь ко мне, – Вы встречались с моей дочерью? Все передали, как я просил? Тогда благодарю вас, это главное. Она прочла газеты, она поняла все, она... надеюсь, она меня простила и попрощалась, – голос предательски дрогнул.

– Вы хотите знать, – иным голосом продолжил генерал, – почему вас так долго ищут и все никак не могут найти. Несмотря на то, что вы ходите на работу, собираетесь в условленном месте, что только выдает вас, но не видите подъезжающих грузовиков, и солдат, прочесывающих местность. Спешу расстроить. Вас ищут не первым числом. Эти законы писаны для контроля народа.

– Мы надеемся...

– Помолчите... Март, кажется. Я не договорил. Видимо, что-то очень серьезное с вождем, если такие меры предприняты на случай волнений, вызванных известием о его кончине. Ведь его никто не видел... сколько, с полгода, кажется. Да, так. Только старые записи и голоса на радио, но ведь голос можно подделать. Как это сделали вы, вызвав меня моим старым товарищем, который, как я запомнил, находится «на излечении».

– Он действительно в психушке, – подтвердил Тит. – Я за ним ухаживаю. Я упрямил его поговорить с вами.

Возможно, генерал скривился. Но продолжил.

– Возможно, вождя уже нет. А в зачищенном от старых друзей ЦК партии нет приближенных. Он или назвал свою волю или ее решили разыграть между собой выскочки. В любом случае, скоро станет известно – имя нового правителя, новый курс, новый состав партии. Может, они уже распределили места, может, только готовятся. Я не знаю, просто подозреваю худшее. Утешать может лишь то, что я давно отошел от дел, я знаковая персона в истории, и скорее всего, мою дочь не тронут. Она не во власти. Она хороший инженер, а такие всегда нужны. Хотя... мы их тоже расстреливали.... Вы, – снова ко мне, – послушайте меня, вы

должны ее забрать отсюда. Куда угодно, хоть в вашу миссию, хоть с планеты, но забрать, если дела именно так пойдут. Вам ведь все тут игрушка, вы точно выживете.

– Я теперь с ними.

– У вас слишком много жизней. Поклянитесь мне, что вытащите ее.

– Клянусь, – я вдруг всем телом почувствовал холод и сырость подвала.

– Я вам верю.... Надеюсь, я на все вопросы ответил. Здесь сквозит, не хотелось бы простыть перед смертью.

Генерал поднялся, следом задвигали стульями и все остальные. Возле лаза он остановился, обернулся.

– Скажите, вы действительно хотели пойти на переговоры с властью? Вы слышали как шесть лет назад на судовой верфи случилось восстание? Рабочие, потребовавшие снизить нормы труда и повысить зарплату – всего-то – были расстреляны, больше двух сотен убитых. Ничего не слышали?

– Вы лжете, – начал Гор, но Март остановил его.

– А теперь идите и прошу вас. Не подслушивайте того, что я скажу ему, – кивок в мою сторону, как он знает, где я нахожусь? – Вас это не касается.

Они вышли, и только после этого генерал с моей помощью забрался в лаз и снял мешок. Сели как в прошлый раз, будто ничего и не переменялось с той поры. Он даже газету в руки взял, помял и бросил на пол.

– Я как знал, что вы придете. С Лидией все в порядке? – словно не доверяя прежним моим словам, переспросил он. Я кивнул, заверяя. – Ну хорошо, хорошо. Мне одного только непонятно: почему вы здесь. Вроде бы обычный чужеземец, тем более такой...

Он не знал, как выразить словами, я тоже. Попытался выговорить нерассказанное: начал с встречи с ним и его дочерью, а кончил своей холостяцкой дырой на окраине города, откуда бежал и куда не хочется возвращаться. В мой монолог вплелись и сказания о неведомой планете, и собственные впечатления, и шоссе Энтузиастов и Парковая улица, да много чего смешалось. Вот так, винегретом, и высыпал.

– А вы еще больший ребенок, чем они, – с грустной улыбкой произнес старик. – Знаете, в их годы, я больше понимал... хотя, поди знай. Ввалился в революцию как с угару, и ладно один, нет, своих потащил. Да у молодых кровь и так бурная, а в такую годину и вовсе кипеть начинает. Вот и у вас, я гляжу, проснулась. Не то от нашей страны, не то от... – он махнул рукой. —Иногда хочется по душам поговорить, а с гавриками этими только о политике и борьбе за права. Вы вечером обратно поедете? – спросил старик без перехода. Я покачал головой.

– Хотелось бы с ними немного остаться.

– Но зачем?

– Лучше понять.

– Верно, вы говорили, – перебивая себя, спешно произнес генерал, – запомнил. Тут спокойно, хорошо. И кормят сносно. Кабы не сырость, совсем как в гостинице. Вот и вы тут. За дочь тревожно, что-то сейчас она, – и снова без перехода. – А я перед ней сильно виноват. Она-то простила, по незнанию, по детской наивности, по любви, а я мучаюсь. Надо ж мне было оставить ее в городе, под обстрелом. Что-то хотел доказать жителям, нет, больше командованию, что не боюсь сдачи города, и никто из моих не боится. Даже дочь, ей тогда девять было. Три месяца по подвалам, пока линкор не взорвали.... Я часто то время вспоминаю. Тогда я знал, зачем живу, чего хочу, пытался сделать – ну, как вот эти, – мир лучше, землю спокойней, ото всего отказывался. Знаете, как стыдно, да стыдно было в глаза ветеранам смотреть, когда в мою честь улицу называли?... Все же в одном они правы, нельзя столько времени одному править. Душа черствеет. После расстрела рабочих вождей круто переменялся. Такого давно не было, с той поры, как последних мятежников я подавил. А тут сразу

сотни трупов и разрушенная судоверфь. Как объяснить, что сказать – голоса, конечно, надрывались бы. По безоружным из танков, артиллерией. Я впервые понял, как же он боится. Ничего с собой сделать не может, боится и все. Всех старых своих товарищей прогнал, набрал новый состав ЦК, а все одно. И после расстрела снова поменял. Боялся не своей смертью помереть. А ему и так глубоко за семьдесят, – генерал усмехнулся, – Самый старый среди нас, мы его еще в революцию Стариком прозвали.

Генерал замолчал разом, прислушиваясь. Потом поднял голову.

– Простите, снова как в прежние времена. Вам хоть тогда интересно было слушать-то? А я думал, из вежливости больше, боялся, снова потеряю. Много чего боялся, – он вздохнул. – Когда отставили, боялся, что за мной придут, как за теми, кто меня тогда патронировал. А еще раньше, до войны, очень переживал, что революция кончилась, дел для меня не сыщется. Я ж только школу окончил, никакой специальности не имел. Думал, подать прошение, чтоб забросили в империю, может, там понадобятся познания революционера. Мы ж по первой горели весь мир всколыхнуть. Но нет. Империя была еще сильной, грозила всех поднять, коли против нее, что замышлять будут, вождь отступил. Наверное, тогда первый раз испугался, он вообще не из пугливых человек, а вдруг два дня не показывался, и потом собрал нас и объявил отбой. Меня сразу бросили доучивать, потом на стройки, потом война.

– И как же вы вот так всю жизнь? Почему не уехали?

Генерал вздохнул. Пожал плечами, хотел что-то сказать, прислушался. Выражение лица разом переменялось.

– Время кормежки. В гостинице, помните, начинают так же греметь, когда постояльцам.... Давайте позже поговорим.

Мы пожали руки, я выбрался из лаза, сопровождаемый тихими словами про Лидию, рядом со мной уже стояла Рада в маске. Положив блюдо с тарелками, она вернулась, и все так же молча и не сняв темную свою вуаль, стала подниматься по лестнице.

Март и Тит ушли, работа, Гор собирался, а вот Нил решил остаться, охранять пленника. Хотя скорее, помогать ему, вряд ли бы генерал смог выломать тяжелую дверь, запирающую выход.

Мы перекусили, молча поглядывая друг на друга. Все та же нехитрая трапеза, кажется, я стал привыкать к ней. К дому, к его обитателям. Захотелось позвать сюда старика, чтобы и он присоединился, а потом, после обеда, расписать пульку. Я вздохнул. Неужели только ради тех встреч я и пришел сюда. Старик спрашивал, я лепетал в ответ, но что правда, а что ложь в произнесенных словах – сам не знал. Верно, еще и поэтому мечусь между деревней и городом. Ища, и не находя, слушая и не наслушавшись. Пытаясь стащить осколки бывшего через десятки кварталов, разом разделившие их.

– Вы все молчите, – произнес Нил. – Может поведаете нам что-нибудь? Я бы рассказал о своих занятиях, да усмирение буйных и утешение безрассудных не слишком приятное слушание. А политикой мы вас и так накачали, – мы одновременно посмотрели на Раду, она, не глядя ни на кого, доедала салат. – Здорово старик во всем тут разобрался, я даже представить не мог. – Я спросил насчет катакомб, но Нил пожал плечами. – Врать не буду, наверное, еще есть, вот из противоположной двери дует. Так там ход к реке, до войны в этом доме брагу гнали, и тишком по речке сплавляли. Нас накроют, мы так же уйти попытаемся. Места там красивые, – неожиданно произнес он. – И пока вы здесь, расскажите о себе, сделайте одолжение.

Я говорил, подбирая слова, самому интересно изложить жизнь, как видится. Нил вышел из-за стола, взял нож, стал вырезать из здоровенных трутовиков фигурки; получалось у него вполне достойно. Рада за все время не проронила ни слова.

– Скучно у вас выходит, – наконец, произнес Нил, отложив готового зверька и взявшись за новый гриб. – Будто вы не в космосе, а на соседнем острове живете. Где-то в Альянсе, как его нам пропаганда показывает.

– Может и так, я ведь сюда...

– Да, вы говорили. Не очень хочется в это верить. Будто на других мирах жизнь такая же, а не прекрасная сказка. Будто за морем рай ждет. Сколько в это верит, сколько надеется... после революции, от нас полмиллиона человек, если не больше, бежало и все больше люди искусства: писатели, художники. Отец рассказывал, о них зарубежные голоса долго твердили. И после войны тоже. Говорили, писали, а потом как в воду. Вы думаете почему? – да кто они в Альянсе? Пока глаголют про изуверский режим, им дают слово, а как пытаются привычным заняться, пшел вон.

– Это тоже пропаганда, – произнесла Рада.

– Это жизнь, девочка моя, – нож методично обстригивал мягкую сердцевину гриба, придавая тому сходство с длиннохвостым мамонтом. – Никто там не прославился, всё в прорву уходит. И все, кто туда рвется, в прорву. Тысяч по двадцать в год, а сейчас говорят и поболее. До ближайшего острова двести километров, пересекают море на лодчонках, на плотах, на бревнах, кто как. Сколько гибнет в пути, никому не ведомо. Но никто не повернет. – Рада молчала. – Поделили мир на своих и чужих, изгнали всех, кто боролся, сочувствовал, не определился, по семьям резали, по детям, чтоб наверняка. Рада вот удивляется, что так мал запас слов – а больше и не надо, что так бедны романы, а незачем стараться, что убоги краски и пусты ноты – не с кем соперничать. Революция вырезала все ненужное, – он развел руками. – Такими пятьдесят лет и живем. Поколения глухих, слепых и убогих.

Он долго молчал, потом поставил хвостатого мамонта и взялся за новый трутовик, самый большой из кучи. Рада, чтобы не слушать, вышла в кухоньку, и энергично мыла посуду, гремя ведрами и напевая что-то.

– Я больше всего боюсь новой перемены. Придут вот такие как Март, снова все порушат. От нас вообще ничего не останется.

– Вы ведь тоже с ними.

– Приглядывать, – просто ответил Нил. – Без революции не получится, – вздохнул он, – к этому все идет. Но хочется, чтоб не ушло еще дальше. Чтоб хоть историю вспомнили. А то она никого ничему не учит, – он снова выдохнул и кивнул в сторону кухни. – Зря я так начал вам плести. Вы ведь на речку собирались. Возьмите Раду с собой, она довольна будет, устала от моего нудения. Идите, я тут поработаю. Платят за такие поделки по пять грошей, но душе приятно. Да и в детдома все идет. Эти фигурки плохому не научат, как ни старайся.... Идите, заждались уже, – и принялся за работу.

Я поднялся, подошел к Раде. Та согласилась немедленно, будто утром ничего не случилось, будто только и ждала. Шли короткой тропой через заросли; неширокая, метров двадцать, речка, с плесом, песок чистый, желтый. Течение быстрое и вода холодная, с гор, что теряются за сельвой. Неподалеку две женщины стирали белье, серое, как волны, я спросил, откуда они, оказалось, из деревни. Конечно, нельзя жить в заброшенных деревнях, но пока не выгоняют, вот как и нас с вами. А может из психушки недавно выпустили, уходить не хотят. Рада вдруг посерьезнела, выпросила полотенце и укрылась в зарослях. Вышла в глухом синем купальнике, совершенно ее переменившим, ткань сдавила девушку, сделав хрупкой, словно тростинка.

Я цеплялся за ее пальцы, течение сильное, как бы не унесло. Она шутила, брызгала водой, потом замерла. Когда выбрались, снова исчезла в зарослях, надолго, я переминался с ноги на ногу. Вышла, вернула полотенце. Рада выглядела уставшей, посерьезневшей, потерявшей утренний пыл. Так же молча, как пришли, уходили. Солнце неожиданно потерялось среди редких туч, девушка потемнела лицом, взяла меня под руку, – так и вошли в дом.

Ночью спала с Мартом, как положено супруге, вот только я слишком долго прислушивался к замершему жилищу, потеряв счет времени, так незаметно и погрузился в дрему, из которой вырвал голос Гора:

– Слушайте, слушайте, про нас сейчас заговорят.

Наступало кроваво-красное утро. Когда я выбрался из комнаты, все собрались у коротковолнового транзистора с наушниками вместо динамика, лежащим посреди стола. Как спали, так и встали, в трусах и майках, Рада, в одной полупрозрачной ночнушке с шитыми розочками, прижавшись к Гору, замерев, слушала. Никто не сел, стояли вокруг стола, склонившись, вглядывались в маленькие кожаные наушники. В них шипели и потрескивали наводимые помехи, среди них слышался, то наплывая, то исчезая, поставленный мужской голос, зачитывавший сообщение.

«... в течении двадцати двух недель не появлялся на публике, что не могло не породить неизбежные слухи о его тяжелом состоянии здоровья. Но меры по предотвращению возможных беспорядков были предприняты правительством Сагавы не только по этой причине. Поспешное введение дополнительных запретов и ужесточения наказаний могло спровоцировать и внутреннее сопротивление, необычайно возросшее в последние месяцы. До нас дошли известия о деятельности значительного образования, именующего себя „Армией освобождения Сагавы“. Мы рассказывали о ней еще в прошлом году, посвятив целую передачу, однако, с той поры о движении не поступало никаких новостей. Вплоть до сего дня, когда нашей радиостанции стало известно о новом дерзком акте Армии – похищении известного генерала, участника революции и войны»...

– А, что я говорил? – вскрикнул Гор. На него немедля зашикали.

«По сведениям источника, генерал около двух недель удерживается повстанцами. Требования к властям просты и понятны: освобождение политзаключенных, список которых объемом в сто сорок пять страниц передан в редакцию „Радио „Свобода““, отмена шестой статьи конституции, о Партии трудящихся как о руководящей и направляющей силе общества и государства. В случае невыполнения условий, заговорщики намерены казнить генерала. Срок ультиматума не разглашается».

– Откуда это про партию? – дернулся Март. – Эти радийщики, они вечно мусолят языками...

– Да плевать. Ты что не понял главного – о нас наконец-то заговорили! Нам теперь есть, на что опереться. Нас услышали, ты понял, понял?!

– На голоса, да ты в своем уме? – Рада оторвалась от Гора, но только для того, чтоб утихомирить обоих. Сразу вспомнившись во вчерашнем синем купальнике, так истончившим ее.

«В ближайших выпусках мы надеемся сообщить больше подробностей об акции Армии освобождения Сагавы, наш специальный корреспондент попытается, тем или иным способом, связаться с борцами за права человека, узнать новые подробности дерзкого похищения, поднявшего на ноги военное руководство и буквально»... – помехи наплыли, голос пропал.

Март отключил транзистор, щелчок заставил меня вздрогнуть.

– Это что... они еще нас выслеживать будут? – недоуменно произнес он. – Или нам к ним самим плыть? – Рада сильнее прижалась к Гору, он, будто только заметив это, обнял девушку. И холодно ответил:

– Хотя и так, лишь бы прок был.

– Да не будет проку! Альянс ненавидит нас, всеми силами стараясь угробить – и это не пропаганда, спроси хоть генерала. Мы у них как кость в горле все пятьдесят лет. Оторвались от империи, а к ним не пришли. Вот и устроили заварушку в Крусаве, чтоб напасть и поддержать мятеж.

– А если это не мятеж? Если это наша попытка, революционная. Переменить власть, ведь сколько уже тогда вождь у власти был, двадцать лет, любой царь позавидует. Ты об этом думал?

– И они, конечно, попросили помощь у Альянса, тоже революционно.

– Да, потому что иначе их бы размяли.

– Это банальный шантаж. У них наш единственный источник бокситов, на тот момент единственный порт, что нам оставалось, складывать лапки? Нельзя было с Крусадой цацкаться. Ненавижу предателей и подстилок. А их зачинщики именно таковы. С мятежом все верно, а вот с вождем, да, надо было, как с самого начала задумывали, вводить срок правления.

– Кто вводил, те быстро исчезли. И то, почему вводили-то, забыл? – чтоб Альянс нас признал, чтоб товары пошли. А сейчас опять блокада, товары поставляют по программе гуманитарной помощи, чтоб озверевшие от голода туземцы все разом к ним не рванули.

Оба уже давно стояли, цепляясь друг за друга, не обращая внимания ни на кого, да и никто не смотрел на них, спор давно приелся. Тит отправился в лечебницу, Нил еще возился у машины, я ждал Раду, передевавшуюся в супружеской спальне.

– Вы идете? – Рада, одетая в легкий сарафан с небрежно повязанной косынкой, стояла позади.

– А генерал? Может, мне к нему....

– Он позавтракал, я за ним убрала, соль положила, чтоб сырости поменьше, вечером белье сменю. Хоть плесени нет, уже хорошо, – говорила спокойно, деловито, на мгновение мне показалось, генерал на время переехал в другой номер гостиницы, менее удобный. – Вы идете?

Я кивнул. Добрались быстро, дорогой молчали. Высадили меня на улице Народного ополчения, в паре кварталов от миссии. Я проводил взглядом пикап, немедленно затерявшийся в утреннем потоке и позвонил своим из ближайшего автомата.

– Вы как сквозь землю провалились, я за вас стал беспокоиться, – спокойным голосом произнес руководитель. – Особенно жена. Мы все ждали координат безопасности, а вы так и не скинули.

Хлопнул по лбу. Надо же, забыл. Вот не было печали, то одно, то другое, то Рада, то это сообщение. Я спросил про голоса, нет, конечно, не слушаем, ответил возмущенно, мы же порядочные граждане. И перебив себя: лучше приезжайте, как раз, к завтраку.

В миссии раскрыли электронную карту на центре столицы, пришлось сдвинуть координаты, выведя Загородное шоссе. Деревушка, оказалось, носила смешное название Чоботы. В нее я и ткнул. Супруга некоторое время двигала пальцами по сельве, поглотившей строения, будто, меня искала.

– Так здесь ваши революционеры пленного скрывают? – сухо спросила она. Руководитель оглянулся, но жена ответила ему проницательным взглядом. Молчание продолжалось долго, за окнами я слышал редкий шум проезжавших машин. Наконец, он обвел деревушку, поставив зону безопасности и пригласил на чай. Я отказался, надо бы, но сослался на Лидию, мне ей многое надо об отце рассказать. Жена обиделась.

– Вы будто в прятки играете. То туда, то сюда. Хоть бы определились, – прежде таких слов от нее не слышали. Мы оба, я и глава миссии, смотрели на супругу, пока та, потупив взор, не вышла, снова пригласив к столу. Странно, вот сейчас отказаться стало неудобно; встав из-за стола, позвонил Лидии. Попросил о встрече. Ни упрека, ни возражения. Только шорох слов: «читала статью, волновалась, ты как, в порядке? В миссии, да?».

Она предстала в том же наряде, что и вчера. Поверить трудно, что всего сутки прошли, как мы расстались, толком не поговорив, двадцать четыре часа, перевернувшие жизнь

с ног на голову. Сколько вместились в них – никогда прежде у меня столь сильно событиями не прессовалось время.

Позвала в тот же буфет, я воспротивился. Сели в трамвай. Ни я, ни она не знали, куда ехать. Сидели на задней лавке, пока нас трясло вокруг «Станкина». Запах лаванды исходил от нежной, прозрачной кожи, под которой синели мелкие жилки. Неожиданно схватил ее руку и прижался к ней, она обняла в ответ, пустой трамвай катил нас куда-то. Так и сидели, прижавшись, пока не объявили конечную. Кажется, вечность провели, а проехали всего четыре остановки. Трамвай отправился в депо, у него тоже обеденный перерыв, мы сели на лавочку.

– Как ты? – спросила она. – Я переживала.

– Порядок, ты как? – прозвучало не очень убедительно. – Наведывался к твоему отцу, ну вчера ведь... ты понимаешь.

Даже на меня нашло вот это всеобщее подавленное молчание. Страх лишнего слова, в столице, он ощущался куда сильнее, чем в глухом домике, затерявшемся в сельве. Или еще передалось от Лидии?

– Что он? Что говорил? – я передал. На этот раз слово в слово. Она долго молчала. – Будто отгораживается от меня. Боится. И я боюсь. Эти... эта мразь, значит, они действительно его казнят, чтобы ни случилось. Он так же отгораживался, когда... в войну, мы с мамой прятались в убежище, а он, там на передовой, ни весточки, ни слова, мог, но не решался. Его-то не сломить, он нас готовил. Я сильная, я верю ему. Эта шваль... хоть бы ее поймали скорее.

Посмотрела на меня, чуть отдалившись. Мы уже не обнимались, как минутами ранее, сидели, взявшись за руки, немолодая, но еще в мечтах, пара. Я хотел объяснить, слова не шли на язык. А она ждала.

– Он в порядке, о нем заботятся, – заговорил о подвале, где его держат, да, там сыро, но ставят соляные кристаллы, меняют белье, выносят...

– Как будто, это важно. Ты приходишь, уходишь, как будто нельзя...

– Они вооружены, – Лидия оборвала себя на полуслове. Медленно наклонившись, прошептала «прости». Я кивнул.

– Не знаю, что делать. Ты ведь... повлияй на них, хоть как-то, чем-то. – я только кивал. – Отец нарочно так про партию, зубы заговоришь. Знает, что я не сдамся. Да, мы сейчас переживаем не лучшие времена, да, иногда случаются перегибы. Вот сейчас, я думаю, тот случай. Но я верю в мудрость правителей, я знаю, как им непросто принимать такие решения. Альянс уже изощелся подгаживать, не знает, как... – снова пауза. – Прости.

– Наверное, не надо сейчас, – ухватила, как за соломинку.

– Да, конечно, не надо. Пойдем лучше, пройдемся. Помолчим. Главное, он жив... – и тишина.

Мы выбрались на Электродную, зашагали к проходной «Станкина». Лидия то бежала вперед, то останавливалась, внутри бурлило, она с трудом сдерживалась. Когда добрались, где-то далеко внутри зазвенел колокольчик, обняла меня, прижавшись, запах лаванды, поцеловала в щеку, попросила дождаться – если есть возможность. Ведь есть, да? Я кивнул. И странно, вздохнул легче, когда Лидия скрылась за воротами. Постоял немного, – в миссию возвращаться не хотелось, – потому бродил по городу, по тенистым улочками и шумным магистралям, бродил, сам не зная, где я, куда направляясь, убивая время, не понимая, чего жду от неминуемой встречи.

Город вымер. Только через час неумолчных моих блужданий на улицы высыпали школьники и молодежь, редкие старики на лавках сопровождали меня взглядами, да еще постовые, появившиеся почти на каждом углу. Возможно моя задумчивость, моя уверенность подсказывала им правильность моего пути в неведомое, никто не остановил, чтоб

прервать блуждание по лабиринту улиц, приостановить на краткое время. Как заведенный шел в пустоту, не замечая, как сменяются заводские кварталы спальными районами, а те парками и скверами, которые снова оказываются сменными заводскими стенами и трубами, уходящими под самые небеса. А потом фабричные цеха, гудевшие, лязгавшие, грохочущие, тонули в парках, а их место занимали старые дома, ветхие постройки, частью сносимые, частью реконструируемые, еще и еще старше, богаче лепниной, вычурней балконами, с флюгерами и башенками. И опять и опять перемены.

Не помню как, но к шести я оказался на Электродной. Ноги гудели, я устало плюхнулся на скамейку подле проходной, как раз под часами. Лидия вышла, едва прозвучал сигнал конца смены. Я еле поднялся, так затекли ноги, она взяла под руку и повела медленно, быстрее идти не мог, к трамваю, отвезшему нас на Парковую улицу.

Я провел у Лидии четыре дня. В трамвае мы сидели, взявшись за руки, так же входили в ее дом, поднимались по лестнице. Уютная квартира, без излишеств: выставочная мебель, немного хрусталя и фарфора в горке, открытый книжный шкаф, битком набитый рукописями и технической литературой; совсем немного романов на нижней полке – про войну и любовь. Книжный стол и кульман с кучей записочек, чертежи и схемы поверх обоев. Широкая полуторная кровать в спальне за занавесью.

Она заговорила о работе, – новые заказы, новая головная боль – все металлы приходится закупать за границей, эта блокада... И замолчала. Она часто замолкала на полуслове, как и я, не зная способа выпутаться из новой неприятной ситуации. Не понимаю, почему ей не высказать все и сразу. И то же про меня, почему не признаться во всем. Боялся, памятуя о реакции отца – у нее должна быть, куда болезненней – столько неприятных вопросов сразу. Он пережил вторжение ЦТП и терраформирование, ей все это досталось как наследственный рубец; такое не выводится хирургией, теребя сознание фантомной болью. Или я просто не решаюсь первым начать разговор?

Боялась и она, боялась и не могла сдерживаться. Ей в обязанность вменялось слушать голоса и новости, а потом рассказывать подчиненным – ведь ведущий инженер-технолог должен понимать толк не только в материаловедении, но и в политэкономии. Послушав новости, замолкала надолго – или вовсе уходила к себе. Что-то писала иногда, наброски на будущее. Дневники о прошлом. Я даже этого не решился спросить. Мы так и жили, вместе и порознь, встречаясь в кухне, ходя в гости в комнаты, встречаясь и расставаясь, кружа, не находя точек соприкосновения. А ведь такой несложный расчет. Она производила его в мыслях не раз, я видел, чувствовал, я сам не мог не рассчитывать того же – потому и не уходил. И потому не решался добиваться большего, ожидая. Ласки и поцелуи нам в надежду.

В ночь на пятый день – почему-то дурные новости приходят ночью – сообщили новые рекомендации политбюро ЦК партии о патриотическом воспитании молодежи. Диктор трудно зачитывал текст, Лидия молчала, холодела, бледнела лицом. После впиалась долгим поцелуем, обняла, боясь отпустить. Хотела что-то сказать, я видел, как расширились ее зрачки. Снова прижала. И тогда уже, совсем тихо, произнесла:

– Ты должен уйти, – руки не разжались, в глазах читался страх, нет не то, что я видел, когда встречался с ней, неведомо когда, в заводском буфете, не ту пустоту, что зрел в глазах ее отца в дни, когда навещал его – настоящий, подлинный ужас. Мне кажется, она впервые испугалась вот так разом за все, за себя, за меня, безоглядно, безнадежно. Я только крепче прижал ее, но через миг все кончилось. Объятия распались, Лидия отпрянула и медленно, через силу, поднялась. – Ты должен.

Должен. Возразить не посмел, долго собирался, она снова прижалась, снова отпрянула – страх не отпускал. И что такого прочитано – быть бдительным, не допускать провокаций, выявлять пособников – пустая трескотня, не имеющая силы закона. Или значительно

превосходящая любой из принятых недавно? Или потому, что среди подписантов не прозвучало имени вождя?

Я хотел ехать в миссию, но представил себе лицо руководителя, жены, техника... автобус повез меня по Загородному шоссе. Уже в темноте постучал в открытую дверь. Вышла Рада.

– Хорошо, что вы вернулись, – тихо произнесла она, – У нас новости. Март ушел, – замолчала на полуслове, пропуская внутрь.

В комнате встречал только Гор. Я привычно спросил о старике, оба покачали головами; Рада, не в силах выдерживать установившееся молчание, захлопотала на кухне. Еще не понимая, спросил, куда направился Март. И по враз сжавшимся плечам, как от удара, догадался.

– Как же он так...

– Отравился в психушке, – отрывисто произнес Гор. – Откачать не успели. Да и не смогли бы, он все предусмотрел. Ничего не хотел слушать, ничего. Потом вот... вчерашней ночью случилось, – он поднял глаза и снова опустил. Обнял голову руками, стал укачивать, будто пытаюсь успокоить. – Все равно надо работать... надо, – слышалось от него. – Надо продолжать. Ушел он, ушел, теперь все иначе...

Подробности стали известны наутро, когда пришел со смены Тит. Усталый, каким я раньше его не видел, он завалился на диван, не сняв тяжелые ботинки, и зачастил, пытаясь выговориться.

За четыре дня, что меня не было, многое переменялось. Два дня Март и Гор спорили, как вести себя с голосами, какую тактику выбрать, наконец, Гор поставил вопрос на голосование. И тут выяснилось, что никто, даже Рада, даже Нил, не поддержали старшего. Армия разом оказалась без вожака. Гор праздновал победу, он потребовал немедленно, пока не остыли чувства, провести переизбрание, естественно, победил, получив лишь один голос против – самого Марта. И тут же начал реформацию. Постановил начать подготовку к связи с Альянсом – во время празднования очередной свадьбы на прибрежном курорте, когда в небо выпускаются тысячи шариков, символизирующих долголетие уз, отправить свой, с посланием и маяком, начавшим работать через час на стандартной частоте вещания радио «Свобода». В прилагаемом письме ответить на вопросы ведущих. Потребовать прислать связника. Разумеется, зная о настроениях, царящих в обществе в отношении Альянса, никому и ничего не сообщать о возможных договоренностях. А затем работать по согласованию.

Март не выдержал, ушел к себе. Ночевал он в психушке, потом дежурил, потом... Когда смена кончилась, его нашли в ванной, принявшим лошадиную дозу снотворного и спирта внутривенно. Откачать не смогли. Он все рассчитал.

Рада, прежде находившаяся в подвале, услышав эти слова Тита, выбежала во двор. Долго стояла, глядя на сельву, подойти к ней никто не решился. Вышел я.

– Знаете, иногда я вправду считала его своим мужем. Иногда старшим братом. Он ведь меня привел, все объяснял, помогал во всем. Он нас всех собрал, когда... если б не он, нас бы не было. Пусть неумелый организатор, пусть не оратор, пусть. Главное, был хорошим человеком и верным другом. И еще... наверное, он любил меня. Или нас. Потому и ушел. Раз решили, раз он не мог перейти через себя. Ведь он же не капсулой воспользовался, не поставил никого. Меня даже полиция не вызывала, констатировали смерть – и все. Я как будто вдова. Нет, правда, – и чуть помолчал. – Он не хотел, чтоб мы останавливались, надо идти, ведь так?

Она спрашивала не у меня, не у себя, вопрос растворился в зарослях. Рада вздохнула всей грудью, повернулась ко мне – в глазах ни слезинки, сил нет – ткнулась в грудь, отпрянула и прошла в дом. Вечером стала готовить Тита к выезду, Гор не смог. Сидел, безучастно

глядя на собирающих, покачивая головой – старик, переживший свои годы. Изредка что-то говорил сам себе, как я ни прислушивался, ничего не понял.

Когда Тит собрался, осиротевшая армия вышла его подбросить до ночного поезда к океану. Гор подошел, долго спрашивал: «ты все исполнишь? Хорошо знаешь, как делать? Не испугаешься?». Тит молчал, потом похлопал по плечу нового старшего и сел в кузов. Мы остались вдвоем – и еще пленник двумя метрами ниже.

Разговорить Гора не удалось. Когда сумерки стали невыносимы, лг пошел готовить ужин, возился долго. Гор, казалось, превратился в собственную тень. Вернулся, затеплил свечи, разложил приборы. Я спустился к старику.

– Вы пришли, рад, что выбрались, – снова невозможно похоже на гостиницу. – Как добрались, все в порядке? – я кивнул. – А вот эти... жаль мне их. Неплохие ребята, если вдуматься, их бы напор, да в мирное русло. Горы свернули б. Я поверить не мог, пока девушка не убедила. Мы с ней часто разговариваем. Она Лидию напомнила. Хрупкая, но гибкая, чтоб ни случилось, всегда распрямится. Таких держаться надо, обязательно. А вот ей за кого теперь? По радио что говорят, слушали?

Рассказал немного. Еще меньше про Лидию, про жизнь в комнатах, про встречи и разлуки. Генерал и так все понял. Я не договорил, старик вздохнул с некоторым облегчением.

– Значит, девочка моя все правильно поняла. Теперь можно мне и готовиться спокойно.

– Вас освободят, – ответил я, понимая, что он взялся за старое. Генерал улыбнулся.

– Хорошо с вами. Как-то на душе теплее. Эти ребята, они неплохие, но не поговорить.... Понимаете, накрутили себя революцией, про нее даже поговорить боятся. Так забили себе голову, что теперь, вдруг трещина какая, все – крах. Нет, не сразу, червоточина долго растет, змеится. А потом бац – а внутри одна гниль. Вот этого и боятся. – И глухо. – По себе знаю. Всю жизнь по лезвию шел, чтобы ни головы не повернуть. Не думать, не сомневаться. В пекло лез, других вел. Не думать. Лидию вот.... А иначе как? Ну как иначе здесь? – он развел руками, охватывая весь мир. – Кругом одни бастионы. Одного сожрут, а если быть с кем-то – так только солдатом, солдату думать устав не позволяет. И еще старых солдат не бывает. Они либо сидят за печкой, либо головой дырявые. Нельзя всю жизнь воевать. Нет, можно, конечно, но... – он выдавил смешок. – Простите, вы так редко заходите, я стал по вам сильно соскучиваться.

Я забрал тарелки и поднялся. Гор немного ожил, разложив еду, поджидал меня, мешая вилкой салат, то разделяя его на части, то вновь перемешивая.

– Стал похож на генерала, правда? Отстрелял свое... сейчас сижусь, позорюсь. Крусада так и пала, говорят...

Я попросил рассказать. Гор поднял голову. Крусада – одна из провинций, далеко на юге, беспокойный горный край. В годину революции первой подняла знамя восстания, и долго сопротивлялась, даже когда остальной остров снова свалился к ногам империи. Я переспросил –оказалось, революций здесь много случалось за последние сто лет. Две неудачные, тогда империя была сильна, крепка, и, несмотря на проигрыш в войне, быстро разобралась с мятежом. Крусаду расселили, вывозили эшелонами, а на место вывезенных крестьян завозили рабочих. Укрывавшихся в горах старательно резали. Потом всеобщее восстание под руководством вождя, возвращение переселенцев. И тут Крусада потребовала независимости. Ей предоставили широчайшую автономию, вплоть до ведения внешней политики. Она в ответ сблизилась с Северным альянсом, стала развиваться, богатеть. Гор пытался говорить нейтрально, но голос дрожал. Я спросил о родичах в провинции, нет, никого, просто обидно, что так вышло, был шанс решить все мирно. Не получилось.

Я ощутил сигнал – в деревню кто-то вошел. Всего лишь крестьяне. Такие сигналы я получал и раньше, будучи у Лидии, получал, тревожась, иногда просыпаясь среди ночи. Она

думала, я беспокоюсь за нее, объяснить свои страхи не мог. Ведь я был в десятках километров от деревни.

Гор помолчал, продолжил. Пропаганда говорит, партизаны стали нападать на наши патрули, в ходе одной из атак захватили радиостанцию и призвали на помощь союзников, в то время как их парламент объявил о независимости и попросил помощи в борьбе за свободу. Флот Альянса, стоявший под парами, уже утром оказался у берегов. Радио самого Альянса рассказывает прямо противоположное, да, в Крусадских горах иногда постреливали, но атака на радиостанцию была инсценировкой, чтобы раз и навсегда разобраться с непокорной провинцией. Никому в столице не нравилось ее особое положение. Потому инсценировка, потому война. Альянс изначально не рассчитывал воевать со всей страной, его стратегам думалось, одно присутствие флота отведет вожда от нападений на провинцию, а та объявит себя независимой. Но случилось, что случилось, война продолжалась больше года, потери с обеих сторон больше двух миллионов убитыми. Альянс отступил, а Крусаду зачистили.

Он поднял глаза, полыхнувшие позабытым огнем.

– Я боюсь, нас зачистят, и никто не придет. Здешний народ, он будто закаменел, так боится. Нужна сторонняя помощь. Государство прогнило, все идет на нужды верхушки, народ начинает голодать, но, все равно, верит в светлое будущее и в своего владыку. Нужно внешнее воздействие и внутренняя сила, чтоб изменить порядок вещей. Если у Тита все получится, мы сможем. Это сейчас нас всего ничего. Вождь начинал с такой же компанией. Сможем и мы.

Зашуршали шины, захлопали двери, прибыл пикап. Одна Рада прибыла, Нил, отправился на работу.

– Надо же, вы Гора в порядок привели. Мы и не надеялись, – деревянный голос, Рада обняла товарища, вдруг передо мной засмутившегося, отступила, оглянулась на меня. – И уже поужинали. Хоть бы меня подождали. Думали, я по дороге перекушу?

– Тит как? – глухо спросил Гор.

– Отправила, сел спокойно, не обыскивали. Прости, я голодная, на автовокзале такая давка, – и прошла в кухню. Долго возилась, пока Гор не вошел следом. Начал спрашивать, все так же настойчиво, как вечером, девушка отвечала с едва скрываемым раздражением. Вернулся.

– Не хочет со мной говорить, – уже ко мне. – Наверное, все в порядке. – Рада крикнула из кухни, как пленный, я ответил. – Что-то перестал за всем успевать. Вы вот к нам в помощь очень кстати. Сам себя не пойму, чего так разнюнился. Никогда прежде, а тут, – и снова ко мне. – Может мне к генералу сходить? Март всегда с ним вечерами разговаривал.

Открыл дверь, стал спускаться. Я вошел к Раде.

– Устала я, замоталась, – она быстро доедала рыбный салат. – Все как в тумане, не представляю, как доехала. Небо черное-черное, никогда такого не было, – посмотрела в пустую глазницу окна. – Давит, очень давит.

Я выплянул сам. Может, облака набежали, но небо вычернила тьма, и только блеклая полоса Млечного пути виднелась на самом краю, развешенной меж деревьями серой тряпкой.

Мы долго сидели, она убрала посуду, а Гор, так и не решившийся спуститься в подвал, отправился спать. Неожиданно Рада поднялась, порывисто, взяла меня за руку и повела к комнате со стеклом. Заперла дверь на щеколду, прижалась, обжигая дыханием, взяла голову в тонкие, хрупкие пальцы. Прошептала едва слышно:

– Возьмите меня. Пожалуйста.

Я не успел ответить, ничего не успел, Рада уже скинула сарафан, стремительно расстегнула крючки на лифе, стянула панталоны с цветочками – и стояла обнаженная. Малень-

кая, худенькая девочка, взвалившая ношу не по плечам, но упорно ее тянувшая, выбиваясь из сил, из веры, из жизни.

Обнял, боясь нарушить эту хрупкость, теперь кажущуюся только большей, Рада взглянула в глаза, неловко, нерешительно поцеловала в губы. Меня дрожь пробила. Навыдумывал о ней невесть что, поверил ее сказкам, как верила, должно быть, сама, робкая, несуразная, боящаяся шелохнуться, не знающая, как поступить, с чего начать. Отдавшая мне всю себя.

Гладил ее бархатную кожу, ничего не ощущая, а она трепеща, покраснев, впилась поцелуем, стала расстегивать брюки и замерла, пунцовая, не решаясь поднять глаза.

Когда мы легли, забралась под одеяло, замерзла. Небо высветлилось, черные облака растаяли, звезды снова засияли на небосклоне. Рада немного успокоилась, согрелась. Закрыла глаза. Наверное, так легче. Я прижался, целуя, ткнулся в шею. В этот момент отчего-то вспомнилась Лидия, далекая, странно чужая. Забытая на другой планете. Она не предала, она просто испугалась, она хотела чистого, незамутненного, далекого от всего, как рассыпанные горсти звезд. Реальность всегда оказывалась на нашем пути, пролегла меж нами. Это не изгнание, не бегство, это жизнь. Иногда чем-то приходится жертвовать, чтобы потом, когда-нибудь, можно снова вернуться в комнаты, которые станут и ближе и наконец...

Рада вскрикнула, застонала, что было силы вцепилась в меня. Тихонько поцеловала в щеку. Улыбнулась.

– Мне хорошо, – прошептала она. – Просто хорошо. Только не говори ничего. Ты как будто с небес свалился. А ты ведь и вправду с небес. Только не говори. Не думала, что может быть просто хорошо, ведь это так просто...

Закрыла мне рот ладонью. Потом спохватилась. Соскочила с кровати и вытащив простыню, достала из комода ножницы. Аккуратно вырезала пятно крови, сложила, убрала. Покачала головой и приложила палец к губам. Снова вернулась. Съежилась комочком под одеялом. Я обнял, она чуть вздрогнула. Заснула. Провалился в небытие и я.

Когда очнулся, ее уж не было. День давно начался, сельва, странно серая, приветствовала новое утро. Когда я пришел в столовую, Рада суежилась с завтраком, Гор уехал, в доме мы остались одни. Обняла, поцеловала в щеку, в губы не решалась, потом извинившись, сбегала с завтраком к генералу. После собралась на речку, нет, одна, ей надо побыть одной. Только дождись, я недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.